Людмила МИТРОХИНА

ТУХЛОЕ ДЕЛО

I

Союз художников гремел! Большой выставочный зал, переполненный людьми, был накалён до предела праздничными возгласами, возбуждёнными голосами, жаркими объятиями раскрасневшейся от радостной тесноты толпы художников и их близких почитателей. Выставка в честь Дня Победы была самой любимой для художников. Помимо выставленных работ, торжественность дня усиливалась звучанием военного духового оркестра областного гарнизона, от ностальгических маршевых аккордов которого у людей увлажнялись глаза и колотились сердца.

Этот день единил и уравнивал всех благодарной памятью и признанием к помолодевшим полузабытым ветеранам, для творчества которых предоставлялись почётные места. На выставке молодость делилась своим представлением о мире, а зрелость грелась воспоминаниями и ассоциациями. Дурманило весеннее солнце, и возбуждал принятый на грудь всенародный любимый русский напиток «Сто грамм фронтовых».

Знакомые полотна ветеранов будто наполнялись новым звучанием, сюжеты приобретали иные оттенки и очертания. Тяжёлые пережитые времена казались художникам самыми светлыми и важными, имеющими историческую ценность, делающие их жизнь весомой и востребованной. Этого мгновения ветераны ждали целый год, что со временем стало сутью их угасающего существования. Таких живописных реалистических холстов, как и самих ветеранов, с каждым годом становилось меньше.

Глаза блуждали в этом радостном соцветье, а душа восторженно пела, попадая в ритм строевого марша духового оркестра.

Ах, эти сборные вернисажи двадцать первого века! Какой получается восхитительный винегрет из безумного хаоса трепещущих мазков, притиснутых вплотную картин, старающихся перекричать друг друга и цветом, и формой. Увешанные картинами стены напоминают огромные цветные рукотворные одеяла, от которых рябит в глазах. Приходишь в состояние растерянности от невозможности сосредоточиться на чём-либо одном, от непонятного восторженного ажиотажа вокруг сбитого в кучу пятноцветья. Вглядываешься в толпу с броуновским движением, со вспышками фотоаппаратов, с людьми, позирующими около картин, и начинаешь понимать, как этот праздник дифференцируется на множество подпраздников каждого творца, крутящегося около своего детища в окружении своих избранных поклонников. Открытие кишит народом, а потом... пустота в залах, а после... забвение картин. Торопимся заявить о себе, а в результате успеваем только наследить, оставив свои отпечатки пальцев на стекле вечности до первого дождя.

Возбуждённый народ разбредался по секциям, накрывая скромные праздничные столы. Двери приёмной правления Союза были открыты настежь, из кабинета слышались громкие голоса.

Если приглядеться повнимательней, то в этой толпе можно было увидеть трёх озабоченных женщин, которые метались по залу с каким-то листом бумаги, отводя то одного, то другого художника в сторону, в чём-то яростно убеждая, потряхивая листом бумаги перед их лицами.

Лёля, редактор небольшого издательства, искусствовед Мария и скульптор Валентина выбрали, на их взгляд, самый удачный момент, чтобы подписать коллективную петицию в защиту всем хорошо известной Екатерины Игнатьевны Розовой, худож-

ника, директора их единственной в городе художественной школы, которая сидела под домашним арестом с обвинением в растратах больших бюджетных денег, что просто в голове не укладывалось у тех, кто лично её знал. Художники, редкие на похвалу к соратникам, высоко оценивали её запоминающиеся самобытные работы, толпясь у её редких впечатляющих холстов, которыми она баловала нечасто, из-за огромной административной нагрузки. Дружба трёх муз, как они себя называли, зиждилась на любви и приверженности к современному искусству, в котором особой строкой они выделяли искусство высокопрофессиональных мастеров, таких как Розова, о работах которой они могли говорить часами, посещая местные выставки.

Никто ничего толком не знал, но само имя Катерины Игнатьевны, как её привыкли называть, вызывало лишь уважение к её таланту и доверие как к человеку. Все цокали языками, приговаривая: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», — стараясь выспросить что-либо любопытное для себя. Праздное любопытство так и лезло из многих, сочувствующих было меньше, а решительных — единицы. Но праздничная расслабленная аура делала своё дело, и петиция пополнялась подписями, которые в свою очередь становились дополнительными аргументами для других, менее решительных.

— Ой, Лёля, как ты здорово сообразила сделать это именно сейчас на выставке, — прошептала Валентина, выискивая глазами в толпе подходящую кандидатуру.

— Так ведь суд через неделю. Надо торопиться. Та бумага, которую сочинили её коллеги, ничего не стоит. Пустая просьба — смягчить наказание, учтя её звания, достижения и награды. Боятся тронуть, даже назвать имя Ваграма, от которого вся цепочка тянется, — ответила Лёля.

— Правильно, Лёля, нам-то терять нечего. Мы не зависим от Ваграма, — поддержала Мария.

— Нет, это как сказать, Маша. Этот тип кого хочешь достанет. Видишь, как народ реагирует, — парировала Валентина, — но нас с пути не свернёшь, закалка советская.

— Девчонки! Главное, собрать больше подписей художников со званиями и обязательно добраться до председателя Союза. Лысак наш не прост, осторожен, чёрт. Пока он здесь, на подъёме, расслабленный, может, и справимся. Печать нужна, бланк Союза. Так будет убедительней. С секретарём я уже договорилась, она сделает первый лист на бланке, — шептала Лёля в уши своих подруг. — Здесь, Валюша, тебе карты в руки, ты всё же училась с ним в Академии, а потому доступ к его телу должен быть обеспечен.

В приёмной председателя Союза художников они сгруппировались вокруг секретаря, подманивая радушными улыбками подвыпивших художников, особенно со званиями. Лёльке даже пришлось на спор посидеть на коленях заслуженного мэтра, игриво смеясь, со внутренним напряжением следя, как он, надувшись от важности, ставит, несмотря на градусы, уверенной рукой свою подпись с расшифровкой имени, фамилии и звания, не забывая при этом прижимать её к себе как можно крепче.

— Теперь к председателю. С Богом, Валюша, — сказали напарницы и стали ждать.

Лысак был тёртый калач. Дозы алкоголя не влияли на него, а только обостряли чутьё бывалого «царедворца». Валентина пробралась к нему вдоль длинного праздничного шумного стола и молча положила перед ним бумагу. Спокойно прочитав текст, он сказал:

— Я уже подписывал нечто похожее, но с другим уклоном. Что это вы затеяли, бабоньки?!

— Олег, кашу маслом не испортишь. Всё тоже, только более конкретно. Всё же и Академия к этому причастна. Пусть следаки всех прошерстят.

— Ты шутишь, коллега. Это Ваграм нас всех профильтрует и придавит, как клопов. У него рычагов больше. Тебе по секрету скажу, он сказал, что если Розову признают невиновной, то он сам лично подаст на неё гражданский иск по возврату пропавших миллионов.

— Ты хочешь, чтобы невиновного признали виновным?

— Ты думай, Валентина, что говоришь, — резко ответил Олег и стал подробно изучать все подписи на бумаге.

— Ты что, Олег, боишься поставить последнюю подпись? Смотри — все наши мэтры подписали. Почти полста подписей, — с вызовом сказала Валентина, давя на его самолюбие.

— Ладно, — ответил через минуту председатель. — Отдайте эту бумагу моему юристу, пусть посмотрит. Если завизирует, то подпишу.

Юрист долго изучал бумагу, подправил пару незначительных слов и, не найдя ничего опасного для председателя, завизировал обращение общественности в городскую прокуратуру и районный суд. Бумага была подписана первым лицом, отпечатана на бланке, поставлена печать и приложен длинный список подписей в защиту художника, директора художественной школы Розовой Екатерины Игнатьевны, отдавшей

организационно-преподавательской деятельности более тридцати лет.

Лёля, Маша и Валентина буквально на крыльях выбежали из Союза. Возбуждённые, радостные, наполненные уверенностью в торжестве справедливости, они шутливо представляли, какой произведёт эффект их спасительная деятельность благодаря этой бумаге.

— Лёлька, ты у нас самая изящная. Мы тебя облачим в мантию, завяжем глаза, дадим в руки карающий меч, весы и поставим перед залом суда. Пусть знают, что Фемида жива. Ей есть чем карать. За нами столько людей. Это вызовет общественный резонанс, — фантазировала Валя своим буйным художественным воображением.

— Ты ещё скажи, что в зубах у меня будет наша петиция, которую надо срочно послать в прокуратуру города и суд заказным письмом, — улыбнулась Лёля.

— А почему бы нам всем троим во время судебного заседания не завязать себе глаза повязкой, взывая к судебной беспристрастности, — захохотала Маша. — Вслепую карать не каждый способен. А вы знаете, что современные скульпторы установили над входом в здание Верховного суда скульптуру Фемиды без повязки на глазах и без меча, заменив его на щит. С тех пор наша Фемида только защищается, посматривая на всякий случай по сторонам, чтобы не свергли с пьедестала.

— Любой образ можно трактовать по-разному. Сколько глаз, столько и мнений. И это нормально. Лепишь одно, получается другое, видится третье, а слышишь четвёртое. И так без конца, — подключилась Валентина, защищая соратников по искусству.

— Девчонки, пока мы вместе, давайте слетаем на модерновую выставку. Сегодня последний день. Выставка художника-графика из Канады, но наших русских корней. Это сын нашего живописца Гречко. Ещё не поздно. Галерея рядом, — предложила Мария, получив одобрительные кивки.

Небольшой зал галереи был переполнен ценителями современного искусства. Одни медленно передвигались в глубоком полумраке с бокалами вина в руках, другие спокойно созерцали стены с работами, сидя на широких ступеньках пола. Огромные чёрно-белые графические листы озарялись продуманной эффектной подсветкой с пола и потолка. Всё остальное тонуло в загадочной полутьме, в которой было комфортно пребывать, растворяясь в ней, как бы прячась от чужих взглядов, оставаясь самим собой.

По мере привыкания к темноте, большие графические полотна словно начинали оживать, притягивая к себе свет и взгляды. Сюжет один на всех работах — мужчины и женщины в странных положениях и загадочных ситуациях в замкнутом пространстве дома. Никаких намёков на социальные штрихи. Никакой академичности, завуалированный реализм без подробностей. Позы, движение, слияние, разобщение фигур обыкновенны, сюжет понятен и в то же время фантастичен своей ирреальностью и пластической гармонией.

— Всё же как влияет среда, — заговорила Лёля. — Наш художник, нашу Академию закончил, но, сменив художественную среду, удалось соединить академическую выучку с актуальностью и мыслить по-современному. Потрясает графическое исполнение в натуральную величину. Это так непривычно. А какая плотность нанесения графита! Удивительно передано живое тело, хотя и намёком.

— Да. Явственно ощущается скульптурность композиций. Даже есть в них что-то роденовское, текучее, пластичное, — добавила Валентина.

— Здесь предъявлена жизнь со всеми девиациями и экзистенциальными проблемами. Смело. Любопытно. И техника исполнения подходит к сюжетам: она словно манифестует монотонность, с какой художник покрывает лист штриховкой, — произнесла Мария, поднаторевшая в написании искусствоведческих статей.

— Конечно, — подхватила Лёля, — А сами чёрно-белые штрихи воплощают само настроение — уныние и скуку персонажей, где бы они ни находились, будь то в ванной, в коридоре, в спальне, на кухне или в мастерской художника. Словно они изолированы напрочь от всего мира.

Взяв в конце зала бокалы с красным сухим вином, все трое уютно расположились на ступеньке, с любопытством разглядывая зрителей, которые резко отличались от посетителей Союза художников сдержанным общением, отсутствием громких речей, интеллигентными лицами и дорогой, стильной, неяркой одеждой.

— Девчонки, мы тут созерцаем искусство, а наша Катерина сидит взаперти с электронным браслетом на ноге. И что у неё, бедолаги, на душе творится, страшно представить, — произнесла со вздохом Лёля.

Суровая действительность грузом спустилась на плечи подруг, погрузила в печальные думы и рассекла безжалостными лучами застоявшуюся умиротворённость созерцательности иной жизни, у которой всё есть, но всё равно нарисованным персонажам там было скучно.

II

Катерина Игнатьевна уже несколько часов неподвижно сидела у своего окна, смотря на один и тот же городской пейзаж с трамвайными путями, торопливо семенящими прохожими и видневшейся вдали переполненной детской площадкой, окружённой полуобнажёнными деревьями с первой распускающейся молодой листвой.

В руках она давно держала хорошо отточенный мягкий карандаш, забыв про его существование и про планшет с начатым эскизом на коленях. Её заворожил простой обыденный пейзаж живой заоконной жизни, меняющей свои оттенки, свет и тени на протяжении многих часов неподвижного созерцания.

Она всегда любила ритм будней, ветреную погоду, дожди, солнце сквозь тучи. Предпочитала ожидание праздника, чем праздник таковой. Именно в праздники с шумящей, воспалённой от принятых градусов, суетной толпою она особо остро чувствовала одиночество и какую-то искусственную бессмысленность происходящего. Хотелось закрыться на звуконепроницаемые двери, забыться в тишине, отдавшись говорящему безмолвию мыслей, незримо наполнявших пространство комнаты.

А вот теперь она сидела впервые потрясённая весной, просыпающейся звенящей жизнью и всё в том же одиночестве, но каком-то обидном, забытом, как в детстве, когда тебя наказывают.

Весна была в разгаре. Яркое солнце радостно заливало серые бетонные дома, похожие на гигантские спичечные коробки с перепутанными над ними многочисленными проводами, которые она почему-то никогда раньше не замечала. На верхушках начинавших зеленеть деревьев деловито восседали вороны, охраняя свои гнёзда и каркая на весь белый свет. Их резкие гортанные звуки пробивались через закрытые окна и напоминали Катерине Игнатьевне о закрытом кладбище недалеко от дома, на котором она проводила свои законные полуторачасовые прогулки, бродя среди памятников и подкармливая ненасытных ворон. Весна на кладбище ощущалась острее на фоне вечных снов и неподвижности. Ей там было спокойнее. Никто не наблюдал её позора, не теребил душу, не терзал пустыми обещаниями. Да и сама тишина среди крестов и памятников будто отодвигала в сторону её беды, делая их незначительнее, успокаивая философскими размышлениями, что всё пройдёт и это тоже. Лишь ветер живыми волнующими потоками теребил её одежду, и небо надёжно укрывало седую голову от новых ударов судьбы.

Сцена публичного ареста в кабинете школы на глазах детей и преподавателей до сих пор сжигала её огнём уязвлённого, болезненного самолюбия, растоптанного достоинства и шокового потрясения. Всё происходило, как в страшном дурном сне. Их было пять человек. Пять внушительных мужиков ФСБ в тёмных костюмах против неё одной. Как только она их увидела, кровь отхлынула от головы, обдав внутренности ледяным холодом. Подумала — диверсия, захват школы риэлторами, воровство детей... Всё что угодно, что активно жило в информационных потоках СМИ в это беспокойное время. Оказалось, по её душу. Накинулись на документы, рабочий стол, выпотрошили бухгалтерию, задавали перекрёстные вопросы, недоверчиво сверля её быстрыми острыми глазами. Казалось, что всё это происходило не с ней. Была уверена, что недоразумение скоро рассеется и всё вернётся на прежнюю колею. Через шесть томительных часов её уводили под конвоем на виду растревоженных сотрудников, которых она, идя на ватных ногах, громким твёрдым голосом призывала успокоиться и работать, убеждала, что разберутся во всём, так как в деятельности школы нет никакого криминала.

«Ну вот, опять зациклилась на одном и том же, — раздражённо подумала Катерина Игнатьевна. — Вот смотришь в окно почти два года на чужую жизнь со стороны, на разных спешащих прохожих и завидуешь им. Поменяться бы с кем-то из них местами, перевоплотиться в эти молодые тела, пусть и немолодые, и жить их спокойной жизнью — ходить на работу, растить детей, быть где захочешь, а главное, стать свободной от гнетущей ядовитой несправедливости тяжёлого обвинения в умышленной растрате, воровстве государственных многомиллионных средств, которые и в руках-то не держала. Согласна воплотится вот в этого качка, или в ковыляющего деда, или в эту толстую тётку с набитой сумкой, в кого угодно, лишь бы снять с души камень и дышать полной грудью. Невыносимо было слышать воображаемый в голове шёпот осуждения, пересуды и ехидные смешки, доводящие до депрессии».

Именно тогда, когда она оказалась под домашним арестом, она почувствовала себя внутренне изношенной, словно притёртый, залатанный механизм старенького автомобиля, которому уже не под силу каменистые дороги. Ему бы ровную спокойную дорогу для оставшихся километров, ласковые умные руки да немного хорошего бензина для сердечного мотора.

Катерина Игнатьевна стала страдать бессонницей. Спокойный сон был редкой от-

душиной в её заточении. Да и засыпать она стала с опаской из-за странных видений возбуждённого мозга, в котором во сне не раз оживал один и тот же рисунок Гойи к «Капричос», где она видела себя спящей, сидя за столом, уронив голову на руки, а вокруг неё шевелились и теснили безобразные чудовища, мир уродов, летучие мыши и гримасничающие человеческие лики, среди которых мелькали знакомые люди, изуродованные больным воображением.

Нет, она не потеряла ясность ума, но её художественная впечатлительная натура страдала от психологического удара и неприятия обвинения, ввиду его несуразности и жестокой несправедливости по отношению к её неукоснительной честности в делах, что было на самом деле истинной правдой.

Воспоминания о своих учениках служили для неё утешением, окрашенным ностальгией по живописным классам, ребячьим крикам, старым мольбертам, запаху красок и работе над постановочными натюрмортами. Из своей административной деятельности она с трудом вырывала счастливое время на обучение учеников живописи, ведя какой-либо выпускной класс. Преподаватель она была отменный. Ребята её любили, несмотря на резкость суждений и строгость.

Уходя мыслями в учебный процесс, пройдя «огонь и воду и медные трубы» своего, выпавшего на неё нежданно бремени руководства художественной школой, она начала впервые осмыслять и оценивать свою многолетнюю деятельность как бы со стороны, незамутнённым сиюминутной суетой взглядом. Время будто застыло на последнем событии позорного ареста, подведя черту. Появилась возможность углубиться в себя и профильтровать свою жизнь через своё сито совести, отринув напрочь все условности, общественные награды, пустые речи заинтересованных лиц и давление властей.

Начало её творческой жизни, включая обучение в Академии, было на редкость удачным, даже блестящим, окрашенным признанием её вспыхнувшего таланта, любовью и поддержкой преподавателей, что способствовало раннему вступлению в Союз художников, академическим регалиям и заслуженному получению престижной должности директора художественной школы, которую она полюбила всем сердцем, общаясь с детьми. Главным в её жизни были и оставались талантливые дети, дававшие ей смысл и толчок к жизни, наполненной творческим процессом, пусть даже и в ущерб собственному творчеству, на которое у неё хронически не хватало времени.

Катерина Игнатьевна давно поняла, что всем изменениям образовательного процесса, которые шли за долгие годы от вышестоящих органов, она должна была покоряться и тупо исполнять. Убыстряющийся ритм жизни, информационная лавина и технический прогресс вынуждали «втискивать» общеобразовательные программы в учебный процесс за счёт сокращения предметов изобразительного искусства. Регулярное реформирование образования трясло все школы, не давая ожидаемых результатов. Но у неё-то школа особенная, художественная, с особыми одарёнными детьми, которых она воспринимала совершенно искренне национальным достоянием страны. А потому, когда на неё в очередной раз надавили и стали выкручивать руки, чтобы сделать их школу обыкновенной средней, а искусство ввести дополнительным платным факультативом, она воспротивилась, твёрдо и открыто пошла на пролом. До хрипоты выступала на совещаниях, трясла неопровержимыми историческими фактами, низвергая и перечёркивая смысл задуманных, предательских по отношению к искусству, реорганизаций. Итак, даже предмет «лепка», один из самых эмоциональных видов изобразительного искусства, который был обязательным все предыдущие годы, в последнее время в школе вынуждены были перевести в факультатив из-за жёсткой сетки учебного плана. А ведь некоторые ученики готовили себя к переходу в скульптурный класс. Она понимала, если не отстоять, то школа останется с купленными за деньги ребятами и потеряет истинные таланты, кому это будет недоступно.

На всех совещаниях в РОНО она потрясала историческими фактами, приводя примеры из жизни, называя Фёдора Яковлевича Алексеева, сына сторожа Академии наук, ставшего основоположником русского городского пейзажа, Архипа Матвеевича Иванова, сына солдата, направленного Академией художеств на учёбу в Рим, Ивана Фёдоровича Урванова из семьи придворного лакея, получившего две серебряные медали от Академии, скульптора Федоса Фёдоровича Щедрина, сына гренадёра лейб-гвардии Преображенского полка, посланного учиться во Флоренцию, Андрея Ивановича Иванова, сироту из воспитательного дома, ставшего преподавателем и профессором Академии, Ореста Адамовича Кипренского из семьи крепостного, ставшего известным портретистом, и других. Её публичные атаки и авторитет всё же возымели положительное воздействие, и реорганизацию чиновники откладывали каждые пять лет.

«Может быть, источник бед надо искать в этом противостоянии властям, — думала временами Катерина Игнатьевна, — по сути, я ведь мешала развитию чистой коммерции, на поприще которой есть много любопытных возможностей поживиться, набивая карманы».

Уходя от печальных мыслей, она возвращалась памятью к волнующим обходам, осмотрам творческих работ, за которыми стояло трепетное дарование, тоненькие ручейки созревающей художественной личности, которым необходимо опереться на дружеское плечо педагога, чтобы идти дальше. Она знала по своему опыту, что хороший художник не всегда может быть хорошим учителем. Конечно, у неё преподавали искусство не такие мэтры, как Брюллов, Крамской, Саврасов, Верещагин, Бродский, Лансере или Дейнека, но вполне достойные художники с высшим академическим образованием.

Обход — это итог, по которому оценивается деятельность ученика и учителя за четверть или полугодие. Выставлялись рисунки, акварели, холсты, эскизы, наброски и вершина творчества — композиции. И она, как директор, считала, что каковы бы ни были оценки за работы, однозначно, они являлись результатом деятельности как ученика, так и преподавателя, что вызывало иногда протест последних, на которых эти оценки влияли при переаттестации.

«Не исключено, что некоторые преподаватели имели за это на неё «зуб», — мелькнула в её голове шальная мысль и тут же погасла. — Чушь! Все приличные люди, отличные профессионалы. Работают по призванию за копейки. Успевают сами творить и выставляться. Не верю!»

Временами ей казалось, что она продолжает трудиться в родных стенах, что завтра надо рано вставать и спешить в свой кабинет, в классы и учебные мастерские. Катерина Игнатьевна, закрыв глаза, с какой-то собачьей тоской представляла свой путь до школы. Ей даже мерещился родной запах красок, исходящий от старых мольбертов и сложенных у стены холстов и планшетов. Сейчас, в отдалении от школы, детские конфликты из-за ревности, зависти иных учеников друг к другу вызывали у неё тёплое материнское чувство, а не поток возмущённых нравоучений, которые ей приходилось изображать на своём посту.

Она любила наблюдать, как дети познавали натуру, изучали её форму, пропорцию, фактуру и все характерные особенности. Как их линии становились увереннее, точнее работа со светотенью и тоном, звучнее и колоритнее мазки акварелью и маслом. Нравилось смотреть их натюрморты с драпировкой, домашней утварью, старинными фарфоровыми чайниками с отбитыми деталями и кофемолками, пожухшими от времени медными самоварами и чучелами птиц — всё, на чём отрабатывалась техника исполнения. В своих занятиях по живописи всегда старалась «поставить глаз», научить видеть «цельно», а не «отдельно», чтобы добиться тонового отношения и колористического единства. Редко кто от природы наделён «живописным зрением». А вот в композициях ребята давали фору профессиональным художникам. Их фантазии не было предела. Главное было — не заглушить её. Молодость брала смелостью и свободой воображения, что отодвигало на второй план недостаток профессионализма, а в иных случаях делая это достоинством.

«Опять же жаль, — рассуждала она, — что в Академии и художественных школах отсутствует предмет «композиция», хотя в 1934 году он был обязательным для всех».

Катерина Игнатьевна вздохнула, ещё раз взглянула в окно, отметив про себя, что тени от домов и деревьев стали острее и длиннее. Пропало карканье ворон. Город погружался в теневую завесу, как в воздушный омут, очерченный алым закатным солнцем. Лишь верхушки деревьев, последние этажи и крыши освещались вечерними лучами остывающего, усталого от дневных забот солнца.

«Господи, опять я мыслями там, на работе, где меня уже никто не ждёт, где я стала чем-то прошлым, уходящим в небытиё, как этот вечерний закат. Представляю, как мне перемывают кости все, кто знал и кто не знал. Плохому верят легко, не задумываясь. К хорошим новостям относятся с недоверием. С годами ты делаешься живым прахом своего давно улетевшего в вечность времени. След твой — твоя душа, которая, быть может, останется жить на какое-то время в других, пока они живы. А потом... полное забвение. Вечно живут только гении и боги», — звучал в тишине её молчаливый монолог.

Она резко встала, отложила в сторону начатый для поддержания творческого тонуса застопорившийся эскиз и почувствовала лёгкое головокружение. Вспомнила, что не ела ничего после лёгкого завтрака. Пошла на кухню и поставила чайник со свистком на плиту.

— Не ворчи, — проговорила вслух. — Другие в тюремных изоляторах мыкаются. А ты дома. Возьми себя в руки и думай о деле. Читай бумаги. Скоро адвокат придёт. Надо обмозговать ситуацию. Бороться.

Вернулась в комнату за чашкой и увидела, как последний луч заходящего солнца живописно рассёк комнату и словно специально высветил на стене её большой застеклённый автопортрет в молодости, вернее, только само лицо, которое смотрело на неё в упор с каким-то новым для неё страдальческим выражением, наполненным осу-

ждением и молчаливым вопросом. Фон полотна с изображением глухой чистой стены с небольшой драпировкой глубоких холодных оттенков оттенял свежесть и теплоту юной кожи женского лица с красивой удлиненной шеей. Безвременность образа была определена скудностью атрибутов, упрощённым стилем неяркой одежды, поворотом головы с классической строгой причёской, слитностью современного характера исполнения с прошлыми веками. Академическая подготовка, романтический настрой, влияние музейных шедевров и молодость в совокупности создали свой неповторимый маленький шедевр, которым она по праву гордилась. Но чем больше она всматривалась в свой портрет, тем больше её охватывало удивление от неожиданного солнечного эффекта. Лицо молодой Катерины смотрело с укоризной и медленно, прямо на глазах заливалось красным цветом, будто от стыда. Сначала загорелись щёки, покраснел лоб. Затем стала покрываться красными пятнами шея. Ей показалось, что даже глаза заблестели на портрете от навернувшихся слёз. Кровь тут же прилила и к её лицу, которое загорелось и вспыхнуло огнём, объявшим шею. Она тут же почувствовала знакомый сильный зуд под мышками, на спине, который быстро подбирался к бёдрам.

«Что за мистика! Это просто луч красного солнца играет по портрету, а у меня разыгралась фантазия вплоть до крапивницы, — успокаивала себя Катерина Игнатьевна. — Или это мой стыд передался портрету, а может быть, и наоборот. Думала ли я тогда, что доживу до таких позорных дней. Даже портрет страдает, но почему-то с осуждением».

Неожиданно резко засвистел чайник. Она вздрогнула. Луч солнца пропал. И она поплелась на кухню. Всё кануло в вечерние сумерки. Мучила память и разыгравшаяся крапивница.

«Скоро придёт адвокат. Надо переодеться», — подумала она и осторожно оглянулась на автопортрет, не найдя ничего в нём мистического.

III

Ким Львович Разумовский был тёртый калач на своём адвокатском поприще, выработавшем у него безупречный нюх на людей, которых он делил для себя на две категории — вляпавшихся в дерьмо по своей глупости и невежеству и творящих это дерьмо для утоления своей алчности и пороков. Первых по молодости жалел. А позже презирал за их наивность и безмозглость. Вторыми порой восхищался за придуманные оригинальные авантюрные схемы преступлений, дающие ему возможность для любимых мозговых атак по раскрытию утончённого мошенничества, но ненавидел их за брезгливость и высокомерие к первым. Он любил расследовать психологию их тайных тёмных замыслов для самоутверждения и волнующего ощущения охотника, идущего по следу.

Глядя на него, человека пожилого, с одышкой и неторопливой, подхрамывающей походкой из-за артрита, с вечно блуждающей, почти виноватой улыбкой на лице, не скажешь, что это ас и боец «невидимого фронта», заступник невинных жертв. Только большие выразительные иудейские серые глаза, чуть на выкате, выдавали его цепкий ум и поднаторевшую мудрость.

Ким Львович легко достигал результата в простых делах, а в сложных проявлял неожиданную изобретательность и въедливость, из-за чего его остерегалась судебная инстанция и прокуратура. Дела зависали на года из-за бесконечных апелляций и возникновения неизвестно как им добытых новых фактов, требующих продолжать расследование. Он всё же старался быть осторожным, применяя свой принцип «брать на измор», понимая, что жизнь коротка, а главное, непредсказуема по своим поворотам.

Катерину Игнатьевну он сразу причислил к первой категории людей, вляпавшихся по уши в дерьмо по собственной глупости. Но, оценив обстановку происшедшего и кто за этим стоит, сразу понял, что дело «тухлое» и выйти из него с абсолютным результатом ей не придётся. Не дадут. Задача перед ним стояла одна — не дать попасть клиенту за тюремные стены, что при её возрасте и нажитых болезнях смерти подобно. Ну, а для ублажения самолюбия своего и Фемиды он любил пощекотать нервы теневым магнатам, но не более того. Он давно созрел для покоя и мирных радостей.

Схема классического экономического преступления была для него проста, как таблица умножения. В художественной школе, подчинённой Академии, был загородный недострой творческой выездной площадки для детей. Вот благодаря этому недострою можно было получить бюджетное финансирование и отмыть эти деньги. Академия выступала в роли заказчика, выбивая эти деньги у государства. Сама же определила подрядчика из своих сотрудников с имеющейся у них в собственности подставной фирмой. Нужен был промежуточный расчётный счёт, куда забросить эти деньги, чтобы тут же перечислить их на фирму-однодневку. Таким недостающим звеном вполне логично выступала художественная школа, для которой всё это якобы и делалось.

Остальное дело техники и знаний тех законов, которые надо обойти. Зная директора школы, её неосведомлённость в строительных делах, доверчивость и безусловную исполнительность к приказам устным и письменным вышестоящей Академии, вопрос был одобрен и решён в очень, очень узком кругу за закрытыми дверями, в чём Ким Львович и не сомневался.

Адвокат был ярый приверженец канонических формулировок «закона Мерфи» и на собственном опыте убедился в истине этих изречений, таких как: «всё не так легко, как кажется» и «всякое решение плодит новые проблемы».

Последний из многочисленных проведённых судов без приговора был не в пользу его подопечной, так как прокурор в своей обвинительной речи требовал пять лет тюрьмы и штраф в полмиллиона рублей. Поэтому он готовил свою оправдательную речь с изложением более весомых подозрений, фактов, следственных упущений, которые он держал в запасе. Для пущей убедительности, оглашая свои предположения в виновности заказчика, от которых суду, по его мнению, будет трудно отвертеться и уйти в тень.

В точно оговорённое время он прибыл к её подъезду. Катерина Игнатьевна впустила его в квартиру и предложила выпить чая или кофе, от чего он, как всегда, отказался.

— Сначала дело, потом чай, — ответил Ким Львович, отметив про себя воспалённое, горящее лицо клиентки. «Видно плакала, бедолага», — подумал он и приступил к разговору: — Катерина Игнатьевна, не расстраивайтесь, не берите в голову требование прокурора о тюремном сроке. Это не окончательный приговор. Обвинитель перестарался.

— Это не расстройство. Это крах! Меня, безукоризненно честного человека, прилюдно оговорили за бесчинство, которое я не совершала. Как можно! Они же ничего не учли, что мы им написали. Гаидзе мною воспользовался, — взволнованно говорила Катерина Игнатьевна, покрываясь пятнами по шее.

— Будет толковая апелляция, если что. Уверен — никаких тюремных сроков. Я ручаюсь. Добьёмся условного срока и только тогда попробуем идти дальше, — ответил Ким Львович, в глубине души сомневаясь по поводу «идти дальше», уповая лишь на условный срок.

— Вы знаете, честно скажу, я готова отсидеть срок в тюрьме, лишь бы с меня сняли само обвинение, которое порочит моё чистое имя.

— Ну, это уже слишком. Если посадят, то вряд ли будут пересматривать дело, на пересмотр которого у вас жизни не хватит.

— Обидно быть стрелочником. Просто появились большие деньги у Академии, и сразу разыгрались аппетиты у некоторых людей, до которых нам с вами не добраться.

— Вы знаете, мне очевидно, что само преступление изначально было заложено и запрограммировано в контракте. Следствие допустило ряд ошибок, и мы на этом сыграем.

— Уже два года играем. На каждый суд беру с собой зубную щётку, прощаюсь со свободой. Топчемся на одном месте. Нас как будто никто не слышит. Не хотят. Полное равнодушие к человеческой драме.

— Катерина Игнатьевна, когда я слушал речь государственного обвинителя, то поймал себя на мысли: всё в ней вроде бы выглядело логично, убедительно, юридически обоснованно и даже справедливо. Что, казалось бы, здесь непонятно защите? Налицо три главных признака состава преступления: ущерб, так как объект до сих пор не построен, а деньги пропали неизвестно куда, ваши подписи на пяти недостоверных актах приёма работ, правда, наряду с заказчиком и подрядчиком, и документы по факту перевода бюджетных средств на счёт мошеннической фирмы подрядчика.

— Вы представляете, Ким Львович, как я выглядела в глазах людей. Ужас! Они же всё это слушали, их никто не разубеждал в обратном, — тихо произнесла Катерина Игнатьевна.

— Собака зарыта в другом, — не обращая внимание на её слова, продолжал адвокат. — Ведь следствие поначалу проводилось солидным ведомством ФСБ. Если бы они его вели до конца, то и результат был бы другой. У них больше возможностей дотошного расследования. Я думаю, что они быстро поняли, что история длинная и за ней непростые люди, потому и скинули на районный суд, косвенно определив «стрелочника» в этой истории. Эти ребята знают закон Мерфи о том, что всякая работа требует больше времени, чем думается.

— Предполагаете, что результат мог быть другим у ФСБ?

— Не сомневаюсь. Они бы нарыли пропавшую фирму, и им точно бы вернули деньги авторитеты, стоящие в тени, чтобы всё было шито-крыто.

— А так ни денег, ни правды, одна только старая пенсионерка, к тому же вдова, с отложенными гробовыми деньгами, изъятыми враз, — добавила она. — Неужели государству неинтересно найти деньги, восстановить убыток, найти воров?

— Бывает так, что дороже обходится само расследование в прямом и переносном смысле. Нам же было отказано судом без всякой мотивации в ходатайстве о возвращении дела прокурору и назначении финансово-бюджетной экспертизы. Нет даже постановления о выделении дела по фирме-однодневке в отдельное производство. А ведь именно там происходило изъятие денежных средств по абсолютно фиктивным документам. Как мне кажется, нет, я просто уверен в том, что процесс преступления был уже заложен при разработке контракта.

— Правильно. А меня смеют обвинять, что акты готовности строительных работ подписала. Я ведь после подписей Академии и подрядчика ставила свою. Пугали, что деньги иначе уйдут, говорили, что по работам потом догоним. А на суде представитель Академии так и заявил: «Ну, она ж понимала, что подписывала». Господи, — причитала Катерина Игнатьевна, — всю жизнь старалась избегать всяких денежных неприятностей, запрещала коллективные сборы денег, избегала поздравлений, и надо же, вляпалась на ровном месте с людьми, которым доверяла и подчинялась беспрекословно.

Ким Львович скептически улыбнулся и ответил:

— Учите закон Мерфи: «Из всех возможных неприятностей произойдёт именно та, ущерб от которой больше».

— Но я же их предчувствовала и избегала.

— Опять же, как гласит непревзойдённый Мерфи: «Если четыре причины возможных неприятностей заранее устранены, то всегда найдётся пятая».

— Вы правы с вашим Мерфи. А я дура, набитая не теми законами. Я подчинялась лишь законам живописи и приказам сверху. Бедные мои дети. Дочь сочувствует, поддерживает. А сыну стыдно. Избегает смотреть в глаза, значит, не верит в мою невиновность.

Ким Львович с сочувствием посмотрел на неё и продолжил:

— На жаргоне профессиональных мошенников таких назначенных лиц, потенциальных «стрелочников», как вы, называют «прокладками», за которыми скрывается истинный расхититель. В защите акцент надо делать на намеренных нарушениях разных законов со стороны Академии, без которых после заключения контракта невозможно было бы вывести деньги из оборота государства. И это не мои болезненные фантазии, а доказательства, имеющиеся в деле. И я вправе выдвинуть свою версию преступления.

— Ким Львович, а может быть, не дразнить гусей. Пусть всё идёт своим ходом. Кто его знает?! Вот наши общественники от Союза художников пишут бумаги. Одно письмо пустое со всякими положительными характеристиками, они и так есть в деле. А вот другое на прокурора, с требованием подключиться к расследованию дел в Академии, может само изменить ситуацию, — сказала Катерина Игнатьевна, но, посмотрев на скептическое лицо адвоката, вздохнула и предложила попить чайку.

— А, давайте чай! И всё же отвечу вам формулировкой Мерфи: «Предоставленные сами себе события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему».

Катерина Игнатьевна заварила свой любимый зелёный листовой чай «Молочный улун», укрыла весёлой ватной матрёшкой, поставила на стол две чашки, вазу с печеньем и сушками и стала ожидать, когда чай раскроется, отдав свой аромат с целительными свойствами воде. Слушая адвоката, она пыталась вникнуть в аргументированную, логически правильно выстроенную речь с фактами, уже не раз ею услышанными, в которых она периодически путалась. В её голове упорно не выстраивались прошлые реальные события в версии адвоката. Она внутренне протестовала, не желая верить в коварство людей, в слепом подчинении которых находилась много лет. Ведь никому ничего плохого не сделала. Но разум невольно ворошил память, в которой жили лица её сотрудников, обрывки фраз, неожиданные кадры незначительных на первый взгляд поступков.

«Всё же характер у меня суровый. Могла обидеть людей резкими прямолинейными суждениями. Не церемонилась, — рассуждала она сама с собой. — Дети не обижались, а вот родители — другое дело». Некоторые преследовали льстивыми речами и подарочками, которых она боялась пуще всего, соглашаясь брать только цветы. Цель у них была одна — пробивать для своих чад конкурсные призовые места и льготные поступления в Академию, с которой было заключено особое соглашение по талантливым успешным ученикам. Но она придерживалась коллегиальности и не изменяла своим принципам ни разу, вопреки давлению, истерикам и слезам просителей.

Катерина Игнатьевна помнила, как весь коллектив радовался, узнав, что им будут достраивать творческую базу для детей. Что-то они сами пытались делать на скудные средства с небольшой строительной фирмой, которая их не подвела. А тут сама Академия подключилась и получила огромные для них бюджетные деньги, выступив в роли заказчика. Даже выделили своего специалиста по капитальному строительству, Гаидзе, имевшего свою фирму, обозначенную подрядчиком.

И началось. Гаидзе волчком крутился вокруг её молодого главного бухгалтера Ирэны Бирговой, которая заливалась вожделенным румянцем от знаков внимания высокопоставленного представителя Академии, имевшего свою строительную фирму ООО «Гаидзе-строй», вершившую крутые дела.

Ещё бы! Такие сумасшедшие деньги, почти семьдесят семь миллионов рублей. Конечно, Академия сразу натянула на себя это дорогостоящее одеяло и выступила в роли заказчика, предварительно, на случай скандала, «повесив» всю ответственность на школу. Вот сделали бы школу заказчиком и распорядителем средств, тогда бы всё было по-иному, думала она. Правильно адвокат говорит, что преступная схема была изначально заложена в условиях контракта, к разработке которого директора за версту не подпускали.

Остаётся открытым вопрос — с чьей подачи в комиссию Академии была включена её главный бухгалтер Биргова, имевшая с Гаидзе неофициальные отношения, которой она не выдавала командировочное удостоверение для поездки в Академию для участия в аукционе. Только следствию это почему-то неинтересно. А сама Ирэн как-то неожиданно в нужный момент уволилась и стала жить постоянно в Австралии среди кенгуру, не исключено, ожидая своего покровителя после отсидки. Покровитель — вор со стажем и предыдущим тюремным опытом. Что удивительно, во время пребывания в местах не столь отдалённых его место в Академии за ним сохранялось, сроки отсидки сокращались до минимума, а на воле у него, как оказалось, всё его многомиллионное имущество с квартирами, коттеджами и машинами было записано на жену и... продано. Ищи-свищи ветра в поле!

— Катерина Игнатьевна, вы где?! Спускайтесь с небес. Вы меня не слышите. Прекратите себя изводить, — раздался неожиданно громкий голос Разумовского. — Повторяю ещё раз, что суть любого мошенничества, по существу, находится в создании у окружающих иллюзии в полнейшей законности и честности какого-либо будущего дела. Что мы и наблюдаем.

— Извините меня, Ким Львович. Я вся внимание.

— Я тут ещё кое-что нарыл. Гаидзе, чтобы сделать свою фирму подрядчиком, быстро ушёл с должности директора своего ООО «Гаидзе-строй» и поставил вместо себя своего родственника.

— Понятно, — подключилась удивлённая Катерина Игнатьевна. — Но ведь это не секрет для следствия?

— Это факт мошенничества! В сговоре или в одиночку — это другой вопрос. Однако следствие даже не допросило «генерального директора» как свидетеля и не вынесло постановление об отсутствии состава преступления в его действиях. Прекрасная работа!

— Неужели такое бывает, что на очевидные вещи следствие может закрыть глаза?!

— Бывает и не такое. Теперь вы понимаете, зачем нужна была Биргова для аукционной комиссии.

— Догадываюсь. Чтобы поддержать своего покровителя и не возражать.

— Катерина Игнатьевна, вы делаете успехи, — продолжал ходивший по комнате адвокат. — Именно решением аукционной комиссии была создана идеальная база для последующего хищения, поскольку Гаидзе выступал как на стороне заказчика, так и на стороне подрядчика по доверенности от Академии и мог писать в актах приёма-сдачи всё, что ему было нужно.

— Ну почему эта правда упорно не замечается следствием?

— Это ещё не всё. Следует мимоходом заметить, что в ходе следствия Академия создала комиссию для ликвидации архивных документов, которая уничтожила оригиналы конкурсной документации по ещё не достроенному объекту. А это уже пахнет составом преступления по сокрытию доказательств!

— Боже мой! Мы в каком государстве живём, правовом или коррумпированном?! Я никогда не сомневалась в наших судах, хотя слышала разное. Для меня даже вышестоящая Академия — это что-то святое и непорочное. Верила и подчинялась беспрекословно. Хотя мой муж запойный, царство ему небесное, проклинал наш суд со всеми его чиновниками. А я не верила, только злилась, не желая его видеть и слышать, когда шло следствие по его делу.

— Не корите себя. Пока сам не столкнёшься с этим, трудно поверить. Но у нас есть надежда. Будем бить своей правдой, пока хватит терпения и здоровья. А ваш муж с такой сильной зависимостью и на воле долго бы не прожил. Только замучил бы вас вконец.

Катерина Игнатьевна замолчала, так как не хотела ворошить своё прошлое перед чужим человеком.

— Я слишком поздно поняла, Ким Львович, — заговорила Катерина Игнатьевна, — что мало быть честным в этом мире. Ещё нужна голова, трезвый ум, осторожность,

даже подозрительность. Развивать в себе чувство самосохранения. Тогда глупостей меньше наделаешь. Простить себе не могу бездумных подписей на актах. Кто бы знал!

— Ваши подписи на промежуточных актах приёма-передачи части объекта ничего не могли изменить в этой преступной схеме. Есть они или нет, а деньги ушли бы в любом варианте. Тем более что ваших подписей на платёжных распоряжениях нет, только Бирговой. Это заказчик, Академия, должен был принять работу у подрядчика и оплатить её, согласно Гражданского кодекса РФ, статья 740, а не ваша школа, загадочно названная в контракте «получатель-потребитель (плательщик)».

— Вы знаете, мне становится страшно от навязчивых подозрений насчёт Академии. Если следствие закрывает глаза даже на очевидные вещи, то трудно даже представить себе весь круг повязанных между собой людей. Нам не осилить этот монолит.

— Нет. Я всё же буду готовить доказательную базу. Это может их насторожить. Будут искать компромисс. Тогда мы сможем уйти от прямых тюремных сроков, — с твёрдой убеждённостью в голосе ответил Ким Львович и продолжил: — Проектная документация не прошла обязательную государственную строительную экспертизу, нет надлежащей сметы, прошедшей экспертизу. К тому же следствие по необъяснимым причинам решило, что с вашей подачи ранее проведённые работы другой фирмой были включены в сметную стоимость. Тогда это дополнительный состав мошенничества, а не хищения.

— Да я к смете и техзаданию вообще не прикасалась. Не моё это дело. Моё — холсты, композиции, перо и кисти, — сказала Катерина Игнатьевна и закрыла лицо руками. — Господи, — простонала она, — когда это кончится? Почему это происходит со мной? За что?!

— Ладно-ладно. Не буду больше вас мучить. Для меня всё ясно как божий день, над которым сгустились чёрные тучи. Я всё подробно изложу в своей бумаге. Но вы должны знать, что разрешение на строительство отсутствовало, а работы, хоть и фиктивные, начались. Некоторые умники скажут, что это формальность. Далеко не так! При отсутствии такого разрешения подрядчик и заказчик в принципе не имеют в дальнейшем никаких шансов сдать объект в эксплуатацию. И задним числом такое разрешение не получить. Следовательно, все работы велись незаконно, что доказывает чей-то злой умысел на заведомое хищение бюджетных средств.

— А как же мои злополучные подписи на пяти актах?

— Отвечаю. Ваши подписи от имени «плательщика-получателя (потребителя)» не имеют юридической силы, так как не предусмотрены законом. Они нужны были для мошеннических целей.

— Я ведь их подписывала во вторую очередь, когда на них уже стояла печать и подписи Академии, — добавила она упавшим голосом.

— Но вы же знаете, что суд отказал нам в удовлетворении технической экспертизы актов, чтобы доказать это. Хотя это, по сути, ничего не меняет. Я ещё поработаю, сделаю акцент на расчётных счетах Академии, казначейства и школы. Там тоже одни вопросы без ответов. Бумаги перешлю вам и в суд и буду готов к защите.

Ким Львович допил остывший чай, виновато улыбнулся и попрощался. Катерина Игнатьевна, как всегда, подошла к окну, чтобы проводить глазами уходящего. Глядя на удаляющуюся сутулую фигуру адвоката с подхрамывающей артритной походкой, её пронзила мысль, что этот, по сути, чужой человек — единственный, кто хлопочет о ней, ковыряясь в этом преступном клубке, выискивая зацепки для её защиты, понимая гораздо больше того, что озвучивал вслух. Она смотрела на уменьшающийся силуэт, который скоро должен был пропасть в вечерних сумерках, раствориться среди других чужих людей, пропасть из видимости, стать точкой, а потом ничем. Мелькнула мысль, что вот и она для людей, знавших её, также растворяется в их жизни, превращаясь в точку, в пустоту. Жаркая волна жалости то ли к себе, то ли к нему неожиданно окатила её с головы до пят, и она невольно трижды перекрестила растворяющуюся в сумерках фигуру адвоката.

Впереди маячило решающее судебное заседание после обсуждений всех дополнительных ходатайств и версий адвоката, где должен быть зачитан приговор. Вера в справедливость таяла с каждым судебным заседанием, на котором постоянно присутствовал представитель истца от Академии — мужчина в чёрном костюме с бритой головой, с накачанными мышцами, похожий на угрюмого штангиста. Он всегда сидел как вкопанный напротив адвоката с непроницаемостью гранитного сфинкса, без единой бумаги, не ведя никаких записей, не говоря ни слова, лишь наблюдая, чтобы чаша судебных весов истца была весомее, чем чаша ответчика. Чувствовалось, что в случае опасности он готов тут же принять меры. Но какие?!

Почти все свидетели из окружения Катерины Игнатьевны свидетельствовали косвенно не в её пользу. Они будто оправдывались перед судом, заявляя, как они прямо и честно предупреждали директора, что ничего на стройке не делается, что нельзя под-

писывать акты и перечислять деньги. Она не винила их, так как это почти соответствовало действительности. Более всего её огорчало равнодушие следствия и упорство прокурора, молодой неопрятной женщины с немытыми волосами и ужасной дикцией, в желании посадить за решётку. После обвинительной речи та спокойно крутила свой мобильный телефон, играя в игры. Катерина Игнатьевна периодически впадала в депрессию, строя в уме невероятные планы по наказанию всего человечества за свои незаслуженные страдания. Представить себя в тюремной камере она не могла. «Не быть этому никогда, — решила, продумывая, каким путём избежать этого непереносимого позора. — Не так я представляла финал своей жизни, получив оскорбительное обвинение в сговоре с мошенником, да ещё и личной заинтересованности в его покровительстве.

Она ухмыльнулась, вспомнив про очередной закон Мерфи, гласивший: «Как только вы принимаетесь делать какую-то работу, находится другая, которую надо сделать ещё раньше». В подтверждении этой правоты открыла шкаф, вытащила пакет с шарфами и шалями на все случаи жизни и стала перебирать их, выискивая лёгкий, неяркий, длинный шёлковый шарф, в котором должна предстать перед судом. Выбрав то, что следует, пошла на кухню за мотком тонкой прочной лески. Отмерив и отрезав леску длиной с шарф, замотала её шарфом с художественным изяществом. Проверила на прочность, прикинула на себе и положила рядом с зубной щёткой.

«Теперь можно спокойно заняться другой работой, тезисами своего бесполезного последнего слова», — подумала Катерина Игнатьевна, готовясь ко сну, вернее, к своей тревожной рваной бессоннице, оставляющей её в покое лишь с рассветом.

IV

— Не понос, так золотуха в нашем Союзе, — говорила Мария, раздеваясь в гардеробе, своим музкам, пришедшим с ней на выставку.

На этот раз в залах Союза выставлялись петербургские художники, объединившиеся возродившимся течением «Полиреализм».

— Маша, а надолго они к нам из Питера? — спросила Валентина.

— Вроде на десять дней. На сколько хватит денег оплатить аренду зала. Ты же знаешь аппетиты нашего правления.

— Ещё бы! Наш юбиляр Холодов персональную делал, так с него сто тысяч взяли за две недели. Он после этой выставки слёг в больницу. Всё надеялся, что картины купят, чтобы долг отдать за аренду. Раньше всё было по-человечески. Юбиляру зал давали в подарок.

— Валентина, когда ты выбьешь из головы советские установки? — подключилась Лёля. — Хотя там своего хаоса хватало. Да только, слава Богу, всё держали в секрете. Потому и не было бучи — всё по плану, по нормам, по статусу, по очереди. На всё была рука хозяина — государства. А сейчас — самовыживаемость. Как в дикой природе.

— Девчонки, нам вчера на секции дали познакомиться с актом проверки нашего Союза госнадзором. Бумага на тридцати листах. Никто сразу не мог врубиться в суть дела. Я сняла копию и полночи изучала. Любопытный материал, — сказала Маша. — Но всё потом, после выставки.

Открывал выставку лидер движения «Полиреализм» художник Пётр Костенко, седовласый поджарый мужичок, просто одетый и так же просто и естественно державшийся на публике. Пришедшие зрители и местные художники слушали его с удовольствием. Он затронул основоположника этого направления в тридцатых годах, художника Соломона Никритина, который выделял отличительной особенностью полиреализма его многомоментность. Само направление противостояло распаду и расчленению искусства. С одной стороны, объяснял Костенко, академизм, а с другой — острый эксперимент формы. Отчасти наблюдается сближение с постмодернизмом. Но только в целях усиления яркого отражения действительности. Вспомнил слова Пунина о том, что всякое здоровое, большое искусство реалистично. Одним словом, множественность вариантов творческого отражения и есть полиреализм.

— Вроде всё понятно и нет ничего нового. Как ни крути, основа — реализм, — рассуждала Валентина. — А если я сделаю что-либо вычурное из своих скульптур, то скажу, что это полиреализм. Я правильно поняла, Маша?

— Думаю, да. Я читала статьи Фоминой, известного питерского искусствоведа, так она сказала, что после наступления конца искусства в «Чёрном квадрате», возникло другое — гиперреалистическое.

— Да нужно ли определять стили художников словами, прикрепляя штампы к их непростым работам, в которых живёт эклектика философий всех эпох?! — возразила Лёля. — Дух времени проникает в творчество и определяет вкус своего времени.

— Согласна, — добавила Валентина, — любой стиль скорее всего чувствуется, чем

выражается словами.

— Экспозиция смотрится отлично. Всё есть — живопись, графика, скульптура и прикладное искусство. Развеска удачная. Работы в один ряд, не поглощают друг друга, оттеняются цветом и стилем. Сколько необычных бронзовых скульптур. Даже большой гобелен, — заговорила Маша и потянула подруг на просмотр.

Они с интересом осматривали работы. Почти все имена им были неизвестны. Впечатлял высокий уровень исполнения. Простые узнаваемые пейзажи или предметы выглядели фантастично. Все художники имели свой почерк и разную технику исполнения. Плотная густая живопись сочеталась с нежными пастельными тонами, создавая общую музыкальность холстов. Обратили внимание на работы Николая Юрьева, в которых весна передавалась игрой цвета, рваными косыми живописными штрихами голубого, оранжевого, жёлтого с использованием мастихина. Были очарованы гобеленом Татьяны Пластун «Полнолуние» из шерсти с ручным ткачеством. Игрой глубокого сине-фиолетового неба с мягкой тёплой светлой луной, окружённой декоративными облаками. От работы Нины Рябовой-Бельской «Золотая добыча», с мраморным облачным полем, с бегущими от тёмных неясных фигур охотников с луком и стрелами золотыми ланями, веяло наскальной живописью. Они долго стояли перед работой Марины Логойда «Миро-Творец», смотря на седого ангела в белом одеянии с женским лицом и с большими белыми крыльями, на которых были запечатлены знаковые мировые памятники культуры, чтобы подчеркнуть всеобъемлющую значимость миротворящего ангела.

— Смотрите, смотрите, какие шикарные работы Андрея Беляева — тут тебе «Северная Венеция», «Кленовая улица», «Кузнечный переулок», «Дегтярная». Городские пейзажи в таком активном цвете, просто фантастика, — восторгалась Валентина. — И скульптуры впечатляют. Много бронзы малой формы. Видите, как оригинально придумано — сочетание в одной работе полированной до зеркальности поверхности с естественной — тусклой, шершавой.

— Всё считывается с картин, если эти картины — художественная правда, — ответила Мария. — Что там таится за этими молчаливыми пульсирующими холстами?! Почему так и не иначе ложатся мазки? Откуда этот свет среди тьмы или тревожная глубина на умиротворенном пейзаже? И отчего суровость холодных тонов так бывает пронзительно нежна и цепляет душу — один Бог знает.

— Художники сами этого не знают. Божественный дар делает своё дело. А они — народ немногословный. Но за этой внешней сдержанностью скрывается зачастую бурный темперамент. Вы заметили, что в старых мэтрах одновременно живёт неистребимый юношеский пыл и печаль повидавшего жизнь человека, — заметила Лёля.

— Это ты поняла, как посидела на коленях у Котловского? — засмеялись подруги.

Лёля улыбнулась, вспомнив эту, однако, приятную для неё пастораль.

— И всё же, что ни говорите, мои дорогие, художники народ необыкновенный. Они видят наш мир другими глазами. Без них действительность тускнеет, рассыпается на частицы, становится невзрачной, так как мы суетимся, смотрим только под ноги, думаем о быте. Редко поднимаем голову к небу. И мир воспринимаем обыкновенным, а они нам его показывают фантастичным.

Экспозиция впечатляла. Перешли на просмотр небольших бронзовых скульптур в центре зала. Отметили оригинальную бронзовую композицию Татьяны Коршуновой «Ночной разговор», в которой за столом со свечой напротив друг друга сидели поэты Ахматова и Пушкин. Обратили внимание на расписанный шамот Людмилы Шейко «Баобабовая деревня». Рассмотрели эффектную бронзу Ашота Казаряна. Задержались у его работ «Комитас», «Молитва», «Чёрный квадрат» и других. Перед выходом из зала увидели в сторонке у стены ещё одну бронзовую работу. Подошли, посмотрели и остолбенели. Название скульптор этой работе не дал и неспроста. Лишь сзади было отлито его имя «Ашот». Перед их глазами вальяжно развалилась макака в длинном сюртуке, положив короткие задние лапы с когтями одна на другую. В одной передней лапе она держала перо, в другой — бокал. Косматая голова макаки со знакомыми человеческими чертами и с отлитыми бакенбардами была увеличена. Не было сомненья, что макака с головой дауна не кто иной, как сам Александр Сергеевич Пушкин.

— Не может быть! — воскликнула Валентина. — Я слышала про этого скульптора, он же учился у самого Михаила Аникушина, который боготворил поэта, посвятил ему почти всё своё творчество. «Молодец» Казарян. Оказался «достойным» своего учителя, который бы его за это безобразие выгнал от себя, если б увидел. Как только посмели это выставить!

— Девчонки, — произнесла Лёля, — вы можете себе представить, чтобы немцы своего обожаемого Гёте выставили в образе обезьяны?! Они этого горе-мастера просто выгнали бы из страны и лишили гражданства. Это же оскорбление, как поэта, так и народа, который его боготворит.

— Бедный Пушкин с обострённым чувством чести столько вынес страданий за свою африканскую кровь. Если бы он это увидел, то вызвал бы этого Ашота на дуэль и прикончил, — сказала Валентина, покачивая головой.

— Я думаю, — заговорила Маша гневным голосом, — если бы этот Казарян отлил свою голову в образе макаки и поставил подпись «Ашот по Дарвину», то это могло смотреться с иронией ко всему человечеству и к себе самому. Но для этого нужен ум. Он, судя по женским фривольным скульптурам, озабочен другими проблемами. Вещь получилась отвратительная. Вот тебе и полиреализм.

— «Ложка дёгтя в бочке мёда», — завершила Лёля обсуждение.

Вылив свои эмоции в книге отзывов, они отошли в укромное место и, заинтригованные актом проверки, сели обсудить бумагу, о которой гудел весь Союз.

— Девчонки, — приступила Маша, — читать тридцать страниц бесполезно, ничего с налёту в голове не уложится. Сплошные юридические крючки и повторы. Кратко доложу вам суть дела своими словами.

— Я слышала, правление собирается чуть ли не каждый день. Что-то там происходит. Наверное, всё из-за этой бумаги? — спросила Валентина.

— Похоже, да. Короче, в Багдаде не всё спокойно. Вот откуда растут огромные расценки за выставки, — потряхивая актом, говорила Маша.

— Не томи, объясни по-русски, — попросили подруги.

— Ладно. Попросту много накопали нарушений нашего устава и всяких федеральных и муниципальных законов, — стала объяснять Маша. — Мы, оказывается, не имеем права выставляться нигде, кроме нашего города. Сами написали, дураки. Но это поправимо. Надо внести в устав то, что следует. А вот то, что город нашему Союзу передал в аренду нежилые помещения без аукционов — это плохо. Хотя наша общественная организация некоммерческая и мы осуществляем деятельность в области искусства, и право за нами такое должно остаться, я имею в виду наше право пользоваться арендой без аукционов.

— Так это же замечание касается в первую очередь не нас, а городского комитета по имуществу, — вставила удивлённая Лёля. — Зачем тогда они передавали нам и подписывали договора аренды, если мы якобы не имели права? Ответ один — интерес был обоюдный.

— Этого мало. Народ взволнован по поводу мастерских. По закону город мог их нам выделять при условии, если у нас членов Союза не менее трёх тысяч человек. А у нас и полторы не наберётся. Комиссия пишет, что это нарушение грубое и неустранимое. Художники в панике. И так у нас драки за мастерские.

— Ну, если они пишут, что неустранимое, то, значит, устранять уже нельзя. Всё должно оставаться на своих местах, — вставила Валентина. — Не отдам, если будут выгонять. Вплоть до голодовки. Куда я выкачусь со своими скульптурами и с печью для обжига? Напишем президенту, с плакатами пойдём в мэрию.

— Подожди. Думаю, не отнимут. А вот аренда — это палка о двух концах. У нас, оказывается, есть помещения в собственности, которые мы сдаём в аренду. В девяностые кое-кто их вовремя «прихватизировал». И есть много помещений, переданных городом в аренду Союзу безвозмездно. Так вот, зная об этом лучше нас с вами, госнадзор пишет замечания о том, что мы, Союз, сдаём в субаренду эти помещения, но без их согласия, как собственников. Получаем прибыль, от которой ни слуху, ни духу. Опять же пишут, что нарушение грубое и неустранимое.

— Маша, это как же? Они столько лет это знали и молчали? Значит, был устный договор наших с ними, — предположила Валентина.

— Разве можно назвать таких людей «нашими», — сказала Лёля ехидно. — Сплошная коррупция. Рука руку греет. А художники мыкаются со своими мастерскими, за которые плата только растёт. Или стоят десятилетиями в очереди на полуподвалы, разрушенные мансарды и аварийные площади, ожидая, пока кто-нибудь не помрёт.

— Девчонки, самое обидное, что нам аренду дали в безвозмездное пользование и для нашего выставочного центра. А Лысак, обмозговав это, тут же учредил своё ООО и передал эти безвозмездные квадратные метры себе же в аренду без разрешения города и Союза. А мы ни ухом, ни рылом! Платим огромные деньги, оседающие у него в кармане, — с возмущением говорила Маша.

— А я чувствовала что-то неладное. Мало того, что все заказы города Лысак на себя перетягивал через коррумпированные конкурсы, так ещё и со всех стрижёт, татаро-монгольское иго! — воскликнула Валентина.

— Что там ещё, Маша? — с нетерпением спрашивали подруги.

— А вот в резюме этого акта ничего нет про аренды, чтобы себя не топить. Несколько замечаний устранимых типа: отсутствие отчётности и публикаций о деятельности Союза, дискриминация членов Союза, кандидатов и иностранцев, деятельность за пределами города, короче, всё, что устранимо за счёт изменения устава. Ну и потребо-

вали разрешение от конференции на аренду выставочного центра с фирмой Лысака.

— Если это поймут все, то председателю лучше самому освободить пост и уйти со своим ООО подальше от греха, — резюмировала Лёля.

— А мне кажется, что всё замотают, и останется как было. Ну, устав исправят, не более того. А Лысак убедит наших наивных художников в необходимости аренды с его ООО, так как он по договору платит за коммуналку и что-то за аренду, идущую в кассу Союза. А дальше этого нос сунуть никому не позволит. С мэрией у него всё тип-топ, утрясут остальное, — заключила Маша, убирая толстый акт госнадзора в сумку.

В портфеле Лёли раздался мобильный звонок. Она выбежала из зала на лестницу. Вернулась встревоженная.

— Дочка Катерины Игнатьевны позвонила. Через три дня последний суд с приговором. Благодарила за наше письмо. Катерина плакала от признательности. Так что сбор там же, в том же зале суда в тринадцать ноль-ноль. Господи, дай ей силы всё это выдержать! Вот так и живём — из огня да в полымя.

V

Ким Львович, сидя на низком табурете, с кряхтением надевал уличную обувь, пользуясь коротким металлическим рожком. Его обожаемый старый сибирский кот Кодекс-с-с, переваливаясь с боку на бок, цеплялся передними лапами за ботинки, играя со шнурками, словно мешая ему надевать их, не пуская хозяина из дому.

— Ладно-ладно, я скоро вернусь, — ласково с одышкой говорил он, глядя с любовью на своего питомца, с которым у него был полный душевный контакт, по-братски разделённый стол и постель на двоих.

«Мой дом — моя крепость, — любил про себя повторять Ким Львович. — Хоть у нас с Цилей и нет детей, зато есть покой и порядок. С меня и любви Кодекса с лихвой хватает. Лишь бы Циля не хворала».

Спросив у хлопочущей на кухне Цили, что купить на обратном пути, он вышел из дома. Как никогда он чувствовал себя легко, даже на подъёме, глядя на разбушевавшуюся весну, на первые молодые блестящие листочки деревьев, слушая весёлое чириканье воробьёв и воркование озабоченных голубиных пар.

Чтобы не подниматься по крутой лестнице до почтового отделения, находящегося на возвышенном месте, он решил проехать до него на трамвае две остановки. Ожидая трамвай, наслаждался размягчёнными подобревшими лицами прохожих и с удовольствием слушал уличного музыканта, бородатого седого баяниста, певшего хриплым подвыпившим голосом: «Синенький, скромный платочек падал с опущенных плеч...»

«Господи, — думал он, — много ли людям надо для счастья, крышу над головой, кусок хлеба, любви ближних и... мира. Не надо ничего лишнего, от чего лишь одна головная боль и преступления. В дикой природе всё уравновешено. Никакой алчности, мошенничества, ненужной жестокости и издевательства. Да, борьба, но не уголовщина, а во имя жизни. А глупое человечество не знает удержу в своих страстях и заблуждениях. Чего только не вытворяют, пакостя друг другу. Человек удивительное существо. Вроде бы и разум ему дан, и память. Но всё равно никакие глобальные выводы или накопленный другими опыт не делают его мудрым, не ограждают от повторения тех же ошибок. Вновь и вновь он будет упорно вляпываться в те же истории, конфликты или нежелательные ситуации, постигая лишь на собственной шкуре избитые вековые истины. А не глупость ли это при наличии разума?

В трамвае он ещё раз проверил свои бумаги для отправки в суд заказным письмом. Ким Львович частенько применял в своей практике такую подстраховку, после того как пару раз его важные бумаги с ходатайствами якобы потеряли, не подложив к делу в процессе судебного разбирательства. Вот и теперь, сделав важные заключения по делу Розовой, поставив вопросы, требующие дополнительного расследования, зацепив, как ему показалось, корень зла, который в упор не хотел видеть суд, он решил подстраховаться.

Народу после обеденного перерыва в почтовом отделении накопилось много. Выдавали пенсию. Всё отделение было заполнено старостью, которая распространяла вокруг себя какой-то спёртый, портящий настроение запах.

— В самый раз для моего тухлого дела, — подумал он, невольно потянувшись за ароматным наглаженным носовым платком, который Циля специально орошала французской туалетной водой, зная, в каких отдалённых мрачных местах он бывает. При его обострённом обонянии это было просто необходимо.

К счастью, заведующая открыла второе окошко не для пенсий, и он благополучно отправил заказное письмо, радуясь этой удаче, как ребёнок. «Сегодня на редкость хороший день», — промелькнуло в голове.

Выйдя из этого малого заточения на волю, он вздохнул полной грудью и раство-

рился в воздушных потоках распускающейся над ним черёмухи. От маленьких еле заметных набухших белых серёжек цветов черёмухи шёл тонкий волнующий аромат, заставляющий учащённо дышать, раздувая ноздри.

«И всё же жаль Катерину Игнатьевну, пронзительно жаль этого тонкого, наивного, талантливого человека, — неожиданно для себя самого подумал он. — Дело ясное и неразрешимое до конца. Обвинение не снимут. Но тюремный срок должны заменить на условный. Ну, а что толку подавать бесконечные апелляции? Процесс затянется на годы. Ей не выдержать. Хотя, чем чёрт не шутит. Был бы я помоложе... Ну, да ладно. Время покажет», — сказал сам себе Ким Львович и двинулся в обратную дорогу пешком.

Погода способствовала пешей прогулке, тем более что дорога шла на спуск, а не на подъём, да и злополучный артрит утих. Пройдя небольшой сквер, он повернул к длинной затенённой кустами и деревьями лестнице, по которой в молодые годы взлетал в миг. Внизу он увидел несколько спускающихся спин, подъём люди старались избегать.

«Ничего, за пять-семь минут спущусь, а вот подняться мне по ней уже трудно, полчаса уйдёт», — промелькнуло в голове, и он осторожно ступил на первую ступеньку...

Толчок в спину был резкий, быстрый и мощный. Ким Львович инстинктивно хотел обернуться, но не успел. Выставив вперёд две руки, он уже летел через крутые ступеньки вниз, в мелькающий страшный пролёт лестницы, набирая ускорение, ломая руки, выворачивая больные ноги, ударяясь головой и уже не сопротивляясь своим подпрыгивающим безжизненным, изувеченным телом.

В одну секунду перед потерей сознания перед ним почему-то возникла бритая голова представителя истца от Академии с подвижными бугристыми бицепсами рук, играющими под пиджаком.

«Перестарался. Жаль, Кодекса не увижу», — успел с сожалением подумать Ким Львович и провалился в глубокий мрак беззвучного, равнодушного мироздания.

VI

На все судебные заседания Катерина Игнатьевна готовилась самым тщательным образом, начиная с покраски волос, вспыхнувших яркой сединой с момента ареста, кончая продумыванием своей одежды, чтобы сохранять органичный для неё художественный облик, явственно подчёркивающий её характерную принадлежность к людям искусства.

Строгую классическую причёску с гладко зачёсанными на прямой пробор волосами, приспущенными на уши, с низкой закрученной на затылке кичкой, она не меняла всю жизнь, переняв её с рафаэлевских мадонн и Сикстинской мадонны ещё в молодые годы, учась в Академии. Причёска как нельзя лучше смягчала её острые черты удлиненного лица, была удобна для творчества и очень шла к ней, особенно после рождения первенца, растворяя её романтический облик сразу в двух эпохах — Возрождения и реального времени.

Катерина Игнатьевна не позволяла себе опускаться до униженного состояния жертвы с плаксивыми глазами и неряшливым безвкусным гардеробом. Её одежда была подобрана с художественным вкусом, выгодно подчёркивала стройную, на редкость сохранившуюся стать, с прямой несгибаемой спиной и гордо поднятой живописной головой, с глазами, смотрящими прямо в лицо собеседника, без тени сомнения в своей правоте. Её уверенный презентабельный вид отчасти сбивал с толку многих следователей в их логически выстроенной версии преступления, заставляя порой сомневаться в её злоумышленных намерениях вопреки изложенным фактам. Но не хотелось углубляться в уже раскрученное дело из-за каких-то эмоций, противоречащих наработанным материалам.

На этот суд с приговором Катерина Игнатьевна готовилась особо тщательно, не забыв подобрать под свой шёлковый шарф с леской соответствующий гардероб. Она волновалась, стараясь не думать о деле, особо не рассчитывала на послабление суда, продумывала, как они с адвокатом будут подавать на апелляцию, а потому ей надо было набраться терпения и мужества, да и встреча в суде с людьми её бывшего круга требовала определённых усилий.

Дождавшись охранника с транспортом, она привычно вышла с ним из дому, села в машину и поехала, по её словам, на своё очередное судилище.

В длинном, пустынном, сером коридоре около зала заседания суда толпилась небольшая кучка притихших людей, которые, судя по отдалённому расположению друг от друга, не были хорошо знакомы между собой. Немного преподавателей, пару друзей дома, дочь Светлана с мужем, трое маститых художников, подруги из Союза, Лёля, Мария и Валентина, и стайка любопытных учеников, немного напуганных необычной

обстановкой, а вернее всего, обстоятельствами, в которых оказался их бывший директор школы. Более всего ей было приятно видеть эти юные лица, ну, и конечно, своих подруг и друзей. Подруги, увидев Катерину Игнатьевну, ринулись к ней с объятиями на глазах охранника, который деликатно сделал вид, что этого не видит. Народ стал посмелее окружать её, стараясь поддержать словом, выражая солидарную уверенность в её невиновности, трактуя её действия как оплошность. Их вера в неё облегчала душевные раны, так как страшнее презрения общества она не могла ничего для себя представить. От благодарности на глаза навернулись слёзы, но усилием воли она сдержалась, боясь раскиснуть и стать жалкой.

Неожиданно подъехало местное телевидение со своей аппаратурой. Поначалу им было категорически отказано снимать заседание в зале суда. Но бойкая журналистка стала громко на камеру возмущаться, и только после этого им было дано разрешение присутствовать при зачтении приговора при условии, что лицо судьи не попадёт в объектив.

— Где же Ким Львович, ты не видела его? — спросила Катерина Игнатьевна Светлану, озираясь по сторонам.

— Мама, он же всегда приходит в последнюю минуту. Не волнуйся. Ты же знаешь его темпы передвижения, ходит, как черепаха Тортилла. Сейчас позвоню ему, — ответила дочь и отошла с телефоном в сторону.

По мобильному он не отвечал. К домашнему телефону долго не подходили. Трубку взял незнакомый голос. «Не Циля Александровна, странно», — подумала Светлана. На её вопрос, где же Ким Львович, наступила тишина в трубке, после чего старческий скрипучий голос произнёс:

— Отзаседался наш Ким Львович. Теперь уж сами выкручивайтесь. А где он сейчас — один Бог знает. А по-нашему — между небом и землёй.

Трубку тут же бросили. В этот момент открылись двери судебного зала, и всех пригласили войти.

— Дела плохие с адвокатом, — успела шепнуть Светлана матери, — похоже, в больнице, — и подумала про себя, что надолго, если не хуже.

Катерина Игнатьевна вспомнила его уходящую скорбную спину при последней встрече и поняла, откуда возникла эта волна жалостливого сочувствия к нему — от предчувствия последнего расставания. Своих неожиданных пронзительных молниеносных предчувствий она боялась как огня, так как все они сбывались. Она была фаталистом с твёрдой верой в то, что никто и ничто не может изменить твою судьбу. Тревожные предчувствия реализуются, как бы ты ни старался их обойти, подстелить соломку и обхитрить. А предчувствия — та же судьба, которая прозвенела тоненьким тревожным колокольчиком откуда-то из космоса. Бесполезно затыкать уши, забивать двери памяти сиюминутным — ничего не поможет. Через много лет или очень быстро тоненький колокольчик прогремит громовым раскатом, и свершившееся пронзит сердце, оставив на нём невидимые рубцы.

Печальная новость об адвокате сдавила ей сердце безысходной тяжестью, вызвав одышку.

Все расселись по своим местам, только представитель истца занял другое место, в стороне, затесавшись среди пришедших людей. Все ждали председательствующую судью Смирнову для оглашения приговора.

Из дверей за высокими судейскими креслами появилась высокая, спортивного телосложения, крупная женщина с мужскими чертами лица. Это была судья. На ней была надета длинная чёрная мантия, делающая её фигуру ещё выше и весомее, подчёркивая статус и авторитет судебной власти.

— Всем встать. Суд идёт! — раздалась команда референта.

«Похоже, сегодня будет озвучен окончательный приговор, — почувствовала Катерина Игнатьевна, перебирая руками шарф, внутри которого она уже привычно ощущала леску. — Ну что ж, я готова ко всему. Всё же атрибуты нужны в жизни, как в искусстве», — подумала она, рассматривая мантию судьи.

Судейская мантия с белым жабо будто скрывала всё человеческое, драпировала, отделяла от живых страстей и эмоций, делала судью существом беспристрастным, холодным и карающим. Недаром мантию называют в церкви одеждой нетления и чистоты. Глядя на судью, невольно стала продумывать композицию с образом судьи в мантии, тему кары и возмездия с контрастным колористическим звучанием и выразительной теплохолодностью.

Телевидение расположилось около дверей на выходе, протянув микрофон в мохнатом чехле на длинной державке ближе к судье. Катерина Игнатьевна стояла рядом с дочерью в первом ряду, хорошо не на скамье подсудимых за решёткой, думала она. Остальные стояли за ней дружной сплочённой кучкой, набившись до отказа на небольшой отведённой для пришедших территории.

Судья взяла в руки толстый талмуд напечатанных листов и в полной тишине приступила к зачтению судебного решения перед стоящей перед ней навытяжку неподвижной публикой.

— Приговор именем Российской Федерации в отношении Розовой Екатерины Игнатьевны, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного статьёй 160, часть 4 УК РФ. Суд установил... — далее шло всё то, что излагал прокурор в своём обвинительном заключении. Каждое слово било наотмашь издёрганное сердце обвиняемой: — Совершение растраты с использованием своего служебного положения, с корыстной и иной личной заинтересованностью... корыстный умысел и мотив, преступный сговор с Гаидзе, организация открытого аукциона с нарушением закона, договорённость о совместном хищении, подписание актов готовности работ, оплата и перечисление средств на подставную фирму...

Ей было тяжело, непереносимо слышать о придуманной прокурором мотивации её преступления, в которой прозвучал совершенный абсурд о том, что за выполнение своих обязательств она рассчитывала пользоваться покровительством Гаидзе, способствующего её нахождению в должности директора художественной школы, в целях получения высокой заработной платы и использования высокого социального статуса.

«Ну, это уж слишком!» — подумала она, поняв, откуда ветер дует. В приговор включили слова молодого следователя, от которых она вспылила при допросе, бросив фразу, что директором она была почти тридцать лет, а Гаидзе знает всего три года. И где тут мотивация? На что следователь ответил: «А что же ещё может быть?» Других мыслей у него не возникало.

Затем судья монотонным невыразительным голосом зачитывала преступные действия Гаидзе, в которых отводилась весомая роль его соучастнику, Розовой, которая, по мнению прокурора, получала от него распоряжения не производить надлежащим образом технический надзор, ввести недостоверные сведения в техническое задание, обеспечить подписание недостоверных актов о приёмке работ, перечислить за них денежные средства и получить похищенные деньги! Роль Гаидзе заключалась в обеспечении видимости надлежащего исполнения контрактных обязательств.

«Какой ужас, — думала Катерина Игнатьевна, — так я из соучастника плавно перешла в главного преступника. После таких слов хочется умереть на месте, чтобы не слышать этот бред, который вливается в уши присутствующих».

Неожиданно вспомнилась Венеция, роковой «Мост Вздохов», по которому уводили из Дворца дожей в тюремные застенки приговорённых, прощавшихся со свободой, и строки Гумилёва: «Крикнул. Его не слыхали. / Он, оборвавшись, упал / В зыбкие, бледные дали / Венецианских зеркал».

От долгого стояния раскалывалась от боли спина, немели ноги, а талмуд с приговором не уменьшался. Её вина на глазах катастрофически разбухала, заполняя зал удушливыми испарениями непонятного происхождения.

Судья в полной тишине зачитывала десятки страниц с подробным перечнем всех злосчастных актов, справок, номеров платёжных поручений, с повторами украденных сумм, номерами счетов, адресов и контрактов.

В неподвижном спёртом воздухе повисло молчание. Телевизионная камера бесшумно и осторожно снимала оцепеневших людей. Пошёл второй час мучительного стояния людей, не понимавших, почему нельзя слышать всё это сидя. Народ потихоньку перемежал ногами, выпрямлял спины, судорожно вздыхал, не имея возможности даже прислониться к чему-либо. Внимание рассеивалось. Озвученный монотонным голосом текст не успевал укладываться в голове, растворяясь в душном зале с закрытыми запотевшими окнами. Все с проклятиями следили за толщиной талмуда, непроизвольно отсчитывая отложенные судьёй прочитанные листы. Кипа бумаг, казалось, не уменьшалась в руках судьи, а люди недоумевали, зачем всё это надо, если окончательное решение уже принято и приговор готов.

За спиной Катерины Игнатьевны кто-то выронил сумку на пол, отчего все словно очнулись, задышали и стали переглядываться. Одна только Катерина Игнатьевна не теряла нить сути оглашаемого материала, который она знала почти наизусть, следя за последовательностью изложения фактов, ожидая услышать аргументы в защиту и показания свидетелей.

Спина словно окаменела от застывшей боли, перед глазами замелькали чёрные искрящиеся точки, не хватало воздуха. В голове проносился всякий бред и крутились навязчивые наблюдения, не имеющие никакого отношения к происходящему. Она зачем-то следила за двигающейся камерой, как бы контролируя, попадёт ли судья в объектив, и вопреки запрету мысленно желала, чтобы попала. Смотрела на три высокие пустые судебные кресла и представляла суд инквизиции. Неожиданно вспомнила со всеми подробностями рисунок Гойи, в котором жертва инквизиции, пожилая женщина (ну точь как она), в остроконечном колпаке осуждённой (тоже нужный атрибут

суда), слушает приговор. Художник её поместил в центре, за ней судьи, мир безобразных чудовищ. Её руки сжаты (как и у неё), голова опущена (не дождётесь). Предел отчаяния. Из лап инквизиции люди не вырывались. Она даже попыталась представить себя на её месте, думая о костре, о мучениях и долго ли они могут длиться при казни.

Смотрела, как двигаются блёклые узкие губы судьи на невыразительном, каком-то механическом лице, извергающем мучительные для её слуха вещи. Порой ей казалось, что это не она стоит перед судьёй, другой человек, а она летает под потолком, смотря на всё отрешённо. Она спиной чувствовала состояние пришедших в суд людей, стоящих за ней, словно слыша шорох шевелящихся мыслей и сомнений, представляя, как они теряются в догадках, пытаясь понять истинную правду. Это её терзало больше всего.

— Подсудимая Розова Е.И. в судебном заседании свою вину в совершении преступления не признала, — продолжала бубнить судья монотонным голосом, — и дала показания, из которых следует, что она не имела никакого корыстного или иного умысла, а также не вступала в преступный сговор с Гаидзе И.А. на хищение денежных средств с использованием своего служебного положения, не была осведомлена о том, что работы были выполнены не в полном объёме...

Катерина Игнатьевна встрепенулась, обострив слух. Далее шли представленные адвокатом аргументы, со всеми выкладками не отработанных следствием деталей, а также трактовка иного прочтения контракта, подтверждающая, что государственным заказчиком всё же являлась Академия со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В голове у неё стучали одни и те же мысли: «Да, не давала никаких указаний, не согласовывала ТЗ и смету, не была на аукционе, не должна была контролировать исполнение работ, не должна осуществлять приёмку по акту частично выполненных работ и по закону, и по условиям контракта... И что?! Всё равно виновата?» Из-за этих пяти бездумных формальных подписей в актах вся заваруха вокруг неё. Но денег-то нет у неё, а кто их увёл с подставной фирмы, не хотят расследовать. Почему?

Аргументы адвоката прозвучали в её пользу, и его доказательная база была не менее убедительной, чем у обвинения. «Молодец Ким Львович, накидал им вопросов, от которых им не отвертеться, доказал, что моя подпись вообще не должна была стоять на актах в нарушение условий контракта. Поднял всю мою переписку с Академией, даже про устные переговоры не забыл. Но у свидетелей своя правда. Уличил Академию в создании видимости вверения средств школе. Главное — его твёрдое заключение, что доказательств умысла на хищение бюджетных денежных средств по предварительному сговору нет», — отмечала про себя Катерина Игоревна, с теплотой вспоминая адвоката.

«Всё же что с ним случилось?» — с тревогой подумала она.

Но неистребимый голос судьи произнёс на удивление твёрдым голосом:

— Вина Розовой Е.И., при непризнании ею своей вины, подтверждается исследованными судом доказательствами...

Далее в течение часа зачитывался текст с перечислением всех имеющихся в деле документов — рапортов, актов обследования, сопроводительных писем, справок, протоколов, выписок, запросов, договоров, контрактов, счетов, актов, расчётов, дополнительных соглашений, платёжных поручений, заявлений, приказов, локальных сметных расчётов, доверенностей, экспертных заключений.

Шёл третий час заседания суда. Лица стоявших неподвижно людей мрачнели, покрывались испариной, искажались страданиями от нелепого унизительного стояния перед пустыми стульями, на которые просто хотелось упасть. Это уже было похоже на пытку. Лёля была на двух судах, но такое видела впервые. Ей подумалось, что, может быть, это в наказание за телевидение, которое суд никогда не жаловал, так же как и активную общественность с кляузными бумагами. У неё дрожали колени, и судорога подбиралась к икрам ног.

Мария с распаренным красным лицом обмахивалась буклетом, осторожно выискивая в сумке валидол. Лишь Валентина, расставив по-мужски ноги, заломив за спину руки, в упор сверлила глазами судью, по инерции представляя её формы и в каком образе её можно было бы слепить. Ничего более подходящего, чем советская парковая скульптура физкультурницы с веслом в руках, ей не приходило в голову. Модель не вдохновляла. Люди с нетерпением поглядывали на часы, и если бы не уважаемая Катерина Игнатьевна, ради которой они там и были, то давно бы исчезли из зала. Никто не ожидал застрять на несколько часов, да ещё и с опозданием на сорок минут.

Наконец-то судья дошла до показаний свидетелей.

Электрик Шестопалов, уволенный ею по собственному желания, несмотря на прогулы (пощадила его), оказался бойким мужичком. Сообщил следствию, что невольно и не раз слышал разговоры Розовой с сотрудниками о том, что ничего не делается на базе творческой практики и непонятно куда уходят деньги. Про контракт ничего не знает. Но человека по фамилии Гаидзе видел, он представился главным строителем

базы от Академии. Он тут же пожаловался ему на изношенные электросети школы. Гаидзе с большой охотой подключился к этому вопросу и всё сразу устроил. Привёл двух людей, которые составили проект замены проводки, а потом и целую бригаду электриков, которые почти месяц ничего не делали. После его уговоров они поменяли местами проводку. Сделали плохо, при подключении перепутали фазы, и если бы он этого не заметил, вся бы школа сгорела. Руководство школы это не интересовало, всё подписали и оплатили не глядя, а к нему даже никто не подошёл. То, что Гаидзе шарлатан, он сразу понял после этого. Им заплатили хорошие деньги за халтуру, а его обошли.

Катерина Игнатьевна помнила этого невзрачного пожилого электрика, который часто болтан с охраной на посту. Чем он занимался, она не интересовалась, а зря. Доверяла заму.

«А ведь он проявил инициативу, попросил Гаидзе помочь с электропроводкой и понял его волче-лисий нрав. А тот отмыл деньги под этот крохотный проект и дело не сделал. А я подписала не глядя акт и оплату, не позвав электрика. Значит, способствовала опять же воровству, — корила себя Катерина Игнатьевна. — Дура я, дура. Если б разобралась с этим Гаидзе в малых делах, может быть, не влипла бы в большую авантюру».

Свидетель Пытляк, директор прежней строительной компании, с которой школа в качестве заказчика хорошо отработала часть работ по творческой базе, посетовал на то, что их выдавили из аукциона, потребовав высокую залоговую стоимость. И здесь Катерина Игнатьевна увидела свою вину в том, что оказалась в стороне от аукциона. Если честно самой себе признаться, то была даже рада, что её не задействовали, и ей не надо было отстаивать известную фирму, от которой так легко освободились, назначив преднамеренно высокую залоговую сумму, какая по большому счёту вовсе не нужна была при таком солидном бюджетном финансировании.

«Глупая я баба. Правильно говорят, что русский человек силён задним умом», — сказала она самой себе, проклиная свою начальственно-угодливую уступчивость.

От показаний свидетеля Виктории Ратнер, осуществлявшей короткое время технический надзор, она погрузилась в ещё большее огорчение. Эту приятную молодую женщину привёл к ней Гаидзе. Она прекрасно помнила, как Гаидзе вошёл к ней в кабинет своей быстрой звериной походкой, ведя под руку миловидную смущённую женщину. Он её представил, положил на стол уже готовый договор технического надзора и велел принять её на работу, при этом гарантируя ей ежемесячную оплату двадцать тысяч рублей. Катерина Игоревна приняла это как приказ, не заморачиваясь по поводу оплаты, которую легко взял на себя Гаидзе. Виктория рьяно взялась за работу, честно отрабатывая свой хлеб, что вовсе, как оказалось, и не следовало делать. В течение года работы не велись, по словам подрядчика Гаидзе, из-за отсутствия финансирования. Затем несколько месяцев кое-что делали — заливку фундаментной плиты, устройство выпусков канализации, прокладку нового газопровода. Но стройка вновь затормозилась. Теперь Катерина Игнатьевна была уже уверена, что, несмотря на простой в работе, Гаидзе платил исправно Виктории и не просто так, а с дальним прицелом. На том последнем совещании с Гаидзе, где была Виктория, он выложил акт о приёмке выполненных работ, не соответствующий действительности, и дал указание его подписать. Виктория долго отказывалась, но настойчивые уговоры и выплаченные ей деньги фактически за простой, не требовавший надзора, сломили её, и она дрогнула, поставив подпись. Катерина Игнатьевна со стыдом и глубоким сожалением вспоминала своё участие в этом постыдном деле.

«Как я могла не понимать всего, что происходило? Да ещё и хватало наглости у него убеждать ее в праведности лжи во спасение. Была зомбирована мыслью, что школу могут лишить бюджетных денег, и надежда достроить творческую базу пропадёт, а с ней и мечта о творческой практике её любимых учеников, долгожданные пленэры, на которых можно было писать и самой с ребятами, проводя вечерние костры и поэтические посиделки. Меня, как дуру, обводили вокруг пальца, а я ещё и других людей тянула за собой. Правильно Виктория сделала, что на следующий день сразу уволилась, назвав всё это строительство махинациями. Испугалась и вовремя ушла. А я из этого не сделала никаких выводов! Господи! Раскрутить бы всё обратно, да только поздно», — думала она, слушая протоколы допросов свидетелей, разъедавшие её душу горькими сожалениями.

Показания нового главного бухгалтера Погадаевой, сменившей Ирэну Биярову после её бегства в Австралию, были верны и не вносили ничего нового в эту безрадостную картину.

«Да, давала распоряжения перечислять в это (кто знал) бандитское ООО бюджетные деньги, которые появлялись на их счету одновременно с приездом Гаидзе, который тут же бежал в бухгалтерию, требуя немедленного их отправления в свою фирму. Молодец Погадаева, что обнаружила уже выполненные работы, продублированные в новом контракте. А я опять мимо ушей пропустила сознательно. Лишь бы ничего не

менять в сложившейся ситуации. А всё потому, что ТЗ и смету делала Бияргова с Гаидзе. И что теперь? Бияргова с кенгуру, Гаидзе за решёткой, но с отмытыми деньгами, а ты в классической роли «стрелочника» с пустыми мозгами и убитой жизнью», — стучали мысли в голове.

Показания Куликовой, начальника районного отдела казначейства, поразили её, введя в определённый ступор. К ним в отдел направлялись все необходимые по строительству документы для проведения платежа с их бюджетного счёта на расчётный счёт ООО. Оказалось, по словам Куликовой, что Гаидзе умолял её заменить ранее направленные акты приёмки работ на другие, чем насторожил и даже напугал её до такой степени, что она дала указание охране не пускать его, объявив сотрудникам об усилении контроля за документами. Катерину Игнатьевну пронзила мысль, что ведь Куликова ничего ей об этом не сказала, а значит, подумала, что они в связке. Кровь прилила к её лицу, она часто задышала, почувствовала слабость в ногах и отдалённый зуд на коже лица.

«Только бы не началась крапивница, — со страхом подумала она, — да ещё и перед телевизионной камерой».

Калейдоскоп свидетельских показаний проходился смычком по её издёрганной нервной системе, как по натянутым струнам, вызывая головную боль, приводя в состояние отчаянного тупика и позднего раскаяния.

Вот и Кареева из бухгалтерии, не раз слушавшая беседы в её кабинете, подробно передавала, как они просили её проверить всё на месте, не подписывать акты и не перечислять деньги за воздух и про дублирующие работы докладывали не раз. Однако директор никак на это не реагировала, продолжая давать указания об оплате.

«Действительно, что это было со мной?! — думала Катерина Игнатьевна. — Просто какое-то наваждение. Неужели так хотела угодить начальству? Вверилась им со всеми своими потрохами, боялась подвести их, слепо следовала их указаниям. И что могли думать о ней люди, видя её упорство в явно сомнительных деяниях?»

Даже сторож Ивушкин, проживающий напротив творческой базы, однажды приехал в школу и, дождавшись её у кабинета, волнуясь и заикаясь, стал выкладывать свои сомнения и рассуждения о строительстве. Говорил о расчистке территории, заборе, о начале строительства корпуса, о заброшенных и украденных материалах, длительном простое, о бригаде молдован, слонявшихся без дела, а потом и вовсе сбежавших, бросив материалы и инструменты. А она слушала его, смотрела на морщинистое, обветренное, небритое лицо, дрожащие руки и на весь его жалкий непрезентабельный вид и хотела скорее освободиться от него, не видеть и не слышать эту ненужную для неё правду, так как всё решалось другими, сильными, властными и презентабельными людьми. И она была, как ей казалось, частью этого высшего круга всемогущих людей.

«Дура! Стыд-то какой!» — терзала себя Катерина Игнатьевна, непроизвольно перебирая пальцами леску, запрятанную в шарф.

Она обвела взглядом судебный зал заседаний, отметив тоскливый, безжизненный, какой-то гнетущий цвет голых стен, одинокую полуживую ссутуленную пальму в углу, которая даже при хорошем уходе, стоя здесь неподвижно и выслушивая годами горькие признания и жёсткие обвинения, просто засыхала от тягучей тоски и безрадостной жизни. Стало жаль пальму...

От показаний свидетелей Академии она не ожидала ничего хорошего. Все в один голос заявляли, что директор замалчивала реальное состояние дел, хотя был слух, что стройка зависла. Президент Академии Азарян Ваграм Ашотович вообще считал, что не имеет никакого отношения к делу, так как выдал генеральную доверенность Гаидзе И.А., переложив на него все функции, обязанности и ответственность по строительству. Да, он подписывал акты приёма работ у себя в кабинете, но только, если ему не изменяет память (изменяла), после подписей Розовой и Гаидзе. Личного участия не принимал. О проблемах ничего не знал и возмущён (мерзавец) коварным обманом, требуя взыскать убытки с виновных.

В судебном зале стояла напряжённая тишина. Вина Катерины Игнатьевны разбухала на глазах, как дрожжевое тесто. Трудно было не поверить суду, но также трудно было не поверить обвиняемой. Истина затесалась где-то в промежутке, и обнаружить её невооружённым глазом практически было невозможно со стороны.

Катерина Игнатьевна, не отрываясь, смотрела на лицо судьи Смирновой, пытаясь предугадать из её заключительных слов свою судьбу:

— У суда нет оснований не доверять показаниям свидетелей, поскольку они последовательны, логичны, взаимно дополняют друг друга...

Вдруг на её глазах лицо судьи поплыло, раздвоилось и стало менять свои очертания. На её говорящем лице стали проступать мужские черты, до боли знакомые. Голос не менялся, но сама она постепенно трансформировалась в мужчину. Наваждение усиливалось. Катерина Игнатьевна прикрыла на минуту глаза, слушая монотонный голос:

— Суд находит вину подсудимой Розовой в совершении преступления, предусмотренного ст. 160 ч. 4 УК РФ, доказанной в полной мере и виновность её у суда сомнений не вызывает...

«Что это?! — вздрогнула она всем телом, открыв глаза и увидев перед собой вместо судьи Смирновой лицо своего умершего мужа, облачённого в чёрную мантию, читающего не своим голосом приговор. — Неужели перевоплощение существует? — промелькнуло в мозгу. — А ведь он не просто так здесь появился, хочет, чтобы и я прошла через то же, что он пережил. Как он смеет после всего, что было, карать меня и упиваться этим?!.. А почему нет?.. Смеет!»

В одно мгновение перед ней предстали годы её тяжёлого замужества. Их семейная жизнь дошла до крайней точки из-за его хронических запоев, жуткой агрессии и ревности к её успешной карьере. Сущий ад наступил после рождения двух детей. Был сильным живописцем, но пропил талант, отчего злился ещё больше, обвиняя её во всех бедах. Вляпался по пьянке в дикую историю с пожаром и жертвой. Кричал, что невиновен. Чем сильнее кричал, тем она меньше ему верила, а потом и отвернулась вовсе. На последнем суде он даже гласно её проклял. А она, измученная его пьянством и рукоприкладством, внутренне даже радовалась, что посадили, мечтая пожить в покое. Но ей всё равно было гадко на душе от мысли, что её муж прошёл это испытание без неё. Не хотела знать никакой правды. Суду была благодарна за справедливое возмездие, за то, что облегчил её существование. В тюрьме он и умер. А теперь вон оно как обернулось. Правильно говорят: от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

Чувство вины усиливалось с каждым словом судьи в облике мужа, который, как ей показалось, даже радовался, глядя на неё исподтишка. Его тонкие жёсткие губы шевелились, извлекая слова женским голосом:

— Суд с учётом умысла Розовой квалифицирует действия подсудимой как растрату, хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершённое лицом с использованием своего служебного положения в особо крупном размере...

Перед глазами Катерины Игнатьевны всё вдруг потемнело, она почувствовала небывалую лёгкость в размягчённом теле, с грохотом выронила из расслабленных рук сумочку с водой в пластмассовой бутылочке и потеряла сознание, упав на пол.

VII

Очнулась она, сидя на стуле, от резкого пронзительного запаха нашатыря, пробившего насквозь потухшее сознание. Кто-то, держа в руке ватку с лекарством, упорно совал её под нос. Катерина Игнатьевна открыла глаза и увидела над собой склонившуюся фигуру референта, рядом сидела дочь с побелевшим лицом, сжимая в руках её спасительный шёлковый шарф. Ворот блузки был расстёгнут, а зарешёченные окна открыты, откуда в зал врывался свежий весенний воздух со всеми уличными звуками живой свободной жизни.

— Мама, как ты? Сейчас тебе лучше? Может быть, скорую вызовем и всё отложим? — спрашивала, волнуясь, Светлана, странно на неё поглядывая.

— Что ты! — воскликнула Катерина Игнатьевна. — Со мной уже всё хорошо. Просто было душно. Прошу вас, извините меня, только не надо ничего откладывать, пожалуйста, — уже увереннее заговорила Катерина Игнатьевна и попыталась встать.

— Не надо, — сказала решительно референт, — судья разрешила всем сидеть. Сейчас всех приглашу в зал из коридора.

Референт отошла в сторону, и она увидела опять перед собой судью Смирнову, в облике которой не заметила для себя никаких мистических изменений. «Слава Богу! Наваждение ушло. Я опять в реальном мире», — вздохнула она и услышала шёпот дочери:

— Мам, ты что же такое задумала?! Разве так можно? А о нас ты не подумала? Учишь нас быть сильными, а сама...

Светлана тихонько всхлипнула и отвернулась, засовывая снятый ею при обмороке шарф с леской в свою сумку. Катерина Игнатьевна догадалась, что дочь обнаружила леску, и ей стало стыдно и неловко перед ней за свою слабость и болезненное самолюбие, которое отодвинуло в сторону мысли о близких.

«Бедная девочка, вся побелела, нехорошо получилось», — огорчилась она, удивляясь самой себе, как она дошла до такого сумасбродства, хотя было и так понятно — от изоляции и нездоровых фантазий, рождённых напряжённой неизвестностью.

В зал вернулись не все, но это уже было неважно для неё. Она желала лишь одного — скорейшего завершения процесса, чтобы узнать свою участь и побыть в одиночестве со своими новыми мыслями и откровениями, поразившими её до обморока.

Зачтение приговора продолжилось. И несмотря на случившийся инцидент с обмороком, в зале неожиданно воцарилось другое настроение, словно Фемида спустилась

с Олимпа не с карающим мечом, а со щитом, подающим слабому надежду в неравной борьбе. Что удивительно, даже голос судьи приобрёл человеческие сочувствующие оттенки, читая сухой бюрократический текст:

— ...Если сама подсудимая полагает, что в действиях вышестоящих по отношению к ней должностных лиц содержатся признаки данного преступления, указанное не снимает с самой подсудимой ответственности за совершённое и никоим образом не снимает с неё вины за инкриминируемое ей деяние...

Далее шло подробное перечисление доказательств защиты, известных Катерине Игнатьевне, которые суд оценил по-своему:

— ...Однако данная версия опровергается исследованными судом доказательствами и суд расценивает её как желание Розовой Е.И. смягчить свою ответственность. Она подписывает документы, заведомо не соответствующие действительности, и понимает при подписании недостоверность сведений в этих документах. Она отвечает исключительно за свои незаконные действия. Действия Розовой Е.И. помогли Гаидзе И.А. завладеть с её помощью государственными денежными средствами в особо крупном размере, то есть совершить хищение, чего подсудимая не могла не понимать. Розова Е.И. была свободна в выборе принимаемых решений, и этот выбор всегда позволял ей принять законное решение...

В душе Катерины Игнатьевны неожиданно наступил покой и умиротворение. В ней перестали бушевать протесты против выпавшей судьбы, ушла злость к тем, кто её подставил, появилось неожиданное смирение со своей участью, и более того, росла её вина перед самой собой, сделавшей много ошибок, перечеркнувших её устоявшуюся жизнь на последних виражах. Вина усиливалась и по другой причине, связанной с трагической историей мужа, который наказал её через много лет неожиданной памятью об их разбитой совместной жизни и о драматических событиях былого суда, что она желала вычеркнуть из своей жизни.

«Никаких апелляций, приму любое решение суда», — думала Катерина Игнатьевна, слушая судью:

— ...Хроническим, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики не страдает... Склонности к лидерству, к доминированию или внушаемости не выявлено... Ранее не судима, характеризуется исключительно положительно... Учитывая ходатайства общественности, состояние здоровья, суд полагает возможным назначить ей наказание, не связанное с изоляцией от общества, считать назначенное наказание условным...

На лицах людей проявилось облегчение и удовлетворённость принятым решением. Лёля, Мария и Валентина, сидевшие за Катериной, не выдержали и дружески погладили её по спине, удивляясь её безучастному виду. А она думала о том, что адвокат всё же добился условного срока, и коллеги по цеху помогли. Сколько вокруг неё хороших людей! Но вот себя она теперь, пожалуй, не сможет отнести к этой категории. Пропала уверенность в своей непогрешимости, снизился градус честолюбивой, тщеславной гордости, держащей её незапятнанную совесть на пьедестале собственных заблуждений. С неё будто сорвали красивые одежды, обнажив физические изъяны немолодого тела, которые она умудрялась, как ей казалось, удачно скрывать от всех, поверив со временем, что их и не было у неё никогда. Не так она представляла своё последнее судилище воспалённым воображением. Если срок тюремный грозил, то протест вплоть до шарфа с леской. Если признают виновной без тюремного срока, условно, то апелляции, хоть до конца жизни. А сейчас всё не так. Ничего не хочется менять. Хотелось тишины и одиночества.

Телевидение бесшумно снимало последние кадры зачтения долгожданного приговора, надеясь после суда получить интервью у Розовой, которая, судя по всему, неизвестно, в силах ли и в настроении ли общаться с ними.

Слова судьи витали по освещённому солнцем залу, заполненному весенним воздухом. Каркающие звуки приговора рассекали радужную атмосферу жизни, звучащей за окном, словно напоминая всем, что чёрная мантия не дремлет:

— ...На основании изложенного... суд приговорил: признать Розову Екатерину Игнатьевну виновной в совершении преступления... и назначить ей наказание в виде лишения свободы, сроком на пять лет, со штрафом в размере ста пятидесяти тысяч рублей в доход государства и без ограничений свободы. Меру пресечения — домашний арест с установленными ограничениями — отменить.

Решение суда по назначению условного срока ей теперь казалось даже небольшим наказанием за её неправедные поступки. Она целиком погрузилась в гипертрофированные мучения совести. От интервью отказалась. Дочь с мужем довезли её до дома, где она попросила её оставить. Войдя в квартиру, обессилено рухнула на стул в прихожей. Время замерло, и тишина зазвенела в голове тоненьким ноющим звуком гитар-

ной струны...

«Бытиё моё органично переплетено с проблемами века. Всё терпимо, невыносимо и благостно одновременно», — подумала она, сидя неподвижно на стуле.

В квартире с закрытыми окнами было душно.

«Надо впустить весну», — сказала себе Катерина Игнатьевна и вошла в комнату.

Войдя, она замерла в оцепенении. Её застеклённый живописный автопортрет был словно грубо сорван со стены и брошен на пол. Она испугалась, подумав о проникновении чужих, но, увидев на стене старую оборванную истлевшую верёвку от картины, которую крепил давным-давно её муж, всё поняла. Подходя к портрету с разбитым, но не вывалившимся из рамы стеклом, вспомнила мистический облик мужа с укоризной во взгляде, проявившемся на лице судьи. Увиденное её потрясло. Стекло треснуло таким образом, что исказило её молодой лик, покрыло морщинами, образовав страдальческую гримасу потерявшегося в отчаянии существа.

Растрескавшееся стекло изменило оба глаза, которые, казалось, смотрели с картины невидящим взглядом своих разорванных от слёз зрачков. Постаревшее лицо будто прочерчено морщинами плача, рот приобрёл трагический оскал. Катерина Игнатьевна, поражённая увиденным эффектом треснутого стекла, вглядывалась в это искажённое страданием лицо, в эти случайные линии, воспринимающиеся как путь слезы, огибающей выпуклость скулы и катящейся вниз по щеке. На лбу запечатлелся излом приподнятых в плаче бровей. Битое на портрете стекло создало трагический образ человеческого горя. Её горя. На этом свалившемся на пол, искажённом автопортрете лежал отсвет всех её несчастий, которыми она была больна. Она ясно вспомнила картину Пикассо «Плачущая женщина», которая отнюдь не радовала глаз, но просто кричала всем своим обликом о человеческом страдании и неприкрашенном горе.

«Ничего не происходит просто так, не растворяется бесследно. Позднее прозрение и раскаяние мстит таким образом через искусство, мистические совпадения, вороша глубинные дебри души, мучая её и исцеляя одновременно», — думала Катерина Игнатьевна, планируя своё безотлагательное посещение заброшенной могилы мужа.

После всего пережитого жизнь ей представилась необъятной, безграничной, с переплетенными человеческими судьбами и событиями. Ей показалось, что она как бы разорвала свою изолированную от жизни оболочку, слилась во времени и пространстве с судьбами других людей и со своей эпохой. И если раньше она жила в собственном коконе эгоистических интересов, игнорируя чужие проблемы и чужую, не интересующую её жизнь, то сейчас она стала неотделемой частью, винтиком того огромного судьбоносного механизма, который двигает всё человечество в неизведанное будущее. Перед ней открылась необозримая долина бытия со своими закономерностями, где всё со всем было увязано и взвешено на своих весах приобретений и потерь. Жизнь возвращалась к ней внутренними толчками возрождающегося тела и духа, наполняя её новым головокружительным ощущением видения своего места в этом живом течении, где нет случайных встреч и случайных разговоров, где всё сплетено невидимыми небесными нитями непредсказуемых всемирных судеб.